

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Впервые на русском

Александр
Содерберг

Сын
за сына

Annotation

Медсестра София Бринкман – вдова, растящая сына-подростка, – волею судеб познакомилась с крупным испанским гангстером Гектором Гусманом, имевшим дела в Стокгольме, и у них начался бурный роман. Но после тяжелого ранения Гектор впал в кому, а София оказалась втянута в дела международной преступной группировки, переживающей мощный натиск немецких конкурентов. Постепенно, стремясь вырваться из порочного круга, София стала самостоятельным игроком в мафиозном противостоянии и начала действовать за спиной Гусманов. Это игра без правил – вокруг лишь жестокие бандиты и коррумпированные полицейские. Конкуренты похитили у Софии сына и стали шантажировать ее. На саму Софию открыли охоту свои же. Ситуация безвыходная...

Александр Содерберг

Сын за сына

Alexander Söderberg
DEN ANDRE SONEN

Серия «DETECTED. Тайна, покорившая мир»

Copyright © Alexander Söderberg 2014. Published by agreement with Salomonsson Agency

© А. А. Шаболтас, перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Он был относительно высокого роста и крепкого телосложения, с той особенной внешностью, которой обладают люди, проводящие свои дни на солнце. Лицо, покрытое морщинами и складками, и светящиеся глаза, излучает здоровье и природную жизнерадостность.

Рабочий день закончился, и Эдуардо Гарсиа покинул носовую часть судна и перешел вдоль борта на корму. Там он сел в привязанную к кораблю и стоящую на якоре лодку, надел ветровку и спасательный жилет. Был январь. Днем температура держалась на уровне десяти градусов, но с моря тянуло пронизывающим и резким холодом.

Он повернул и сквозь надвигающиеся сумерки на большой скорости направился в сторону материка и Биаррица.

Эдуардо Гарсиа вел спокойную жизнь. Жизнь, которую он выбрал для себя сам.

На самом деле его звали Эдуардо Гусман, и он бог знает сколько лет жил под другим именем. Еще в юности Гусман уехал из Испании и Марбельи вместе со своей девушкой Ангелой. Они поехали во французский Биарриц^[1], чтобы заниматься серфингом, обустроились и осели здесь. Новая жизнь, новое имя, новая страна.

Теперь, бог знает сколько лет спустя, у них было двое сыновей и своя работа у каждого: он – морской биолог, Ангела – ассистент юриста в небольшой адвокатской конторе. Единственным изменением в семейной картине стал Хасани, высокий египтянин, постучавшийся к ним полгода назад. Его прислал отец Эдуардо, Адальберто Гусман. Обстановка в Стокгольме накалилась. Брат Эдуардо, Гектор Гусман, подвергся нападению со стороны воинствующей группировки.

* * *

Приближаясь к берегу, Эдуардо видел своих сыновей, Хасани стоял там же. Комичная картина. Крупный египтянин в неизменном пиджаке и двое жизнерадостных мальчиков со школьными сумками через плечо.

Эдуардо поднял руку и помахал им. Мальчики с энтузиазмом ответили. Хасани последовал их примеру, но был более сдержан, как будто понимал, что жест Эдуардо предназначался не ему. В то же время Хасани не хотел показаться невежливым. В этом заключалась его суть.

Держа сыновей за руки, Эдуардо шел по городу от причала для малогабаритных судов по улочкам, ведущим в отдаленный от туристического шума квартал. Это повторялось каждый день – привычный ритуал. Они встречались после школы, перекусывали где-нибудь, прежде чем отправиться за покупками, а потом шли домой и готовили ужин. В нескольких шагах позади всегда следовал запыхавшийся Хасани.

Мальчики предложили пойти в «Лорд Нельсон». Аквариум с живыми рыбами и омарами выглядел привлекательно. Эдуардо не поддержал идею – он хотел поесть на улице, несмотря на время года и прохладный воздух. Заведение находилось у небольшой площади, Гусман часто туда заходил. Везде сновали люди, и Эдуардо с сыновьями сели за столик на улице.

Хасани расположился через два столика от них.

Когда Эдуардо махнул официанту и показал, что, как обычно, заказывает два апельсиновых лимонада и один кофе, у него в кармане брюк зазвонил телефон.

– Да?

На другом конце он услышал голос Ангелы: она сказала, что задержится и что к ним домой едет оценщик, которому Эдуардо должен открыть дверь.

Они собирались переехать в более просторное жилье. Теперь нужно оценить дом и определиться с возможными вариантами. Эдуардо хотел, чтобы дом оценили, но еще он хотел посидеть в кафе на улице.

– Хорошо, – ответил он и положил трубку. Затем, махнув рукой, привлек внимание Хасани. – Иди домой с мальчиками, откроешь оценщику; я приду позже.

Мальчики запротестовали, но Эдуардо не стал их слушать. Он хотел, чтобы они были там, где Хасани, всегда, – он привык к этому. Даже если видимая угроза для мальчиков отсутствовала, египтянин являлся дополнительной гарантией безопасности.

Хасани и мальчики ушли и, перейдя площадь, скрылись из виду. Эдуардо наблюдал за сыновьями, улыбаясь тому, как они всем своим видом явно показывали, что считают отношение к себе несправедливым. Он улыбнулся еще больше, когда мальчики моментально забыли обиду и начали охотиться друг за другом.

На подносе принесли кофе и апельсиновый лимонад. Официант посмотрел вслед уходившим детям.

– Могу я забрать соду?

Эдуардо покачал головой.

– Я возьму домой, если можно? – сказал он и указал на свернутую газету под мышкой у официанта. – И хотел бы пока посмотреть это.

Эдуардо выпил кофе, бегло просмотрел главные новости, которые его не заинтересовали, пролистал спортивные новости в поисках футбола.

Послышался звук приближающегося велосипеда. Это был гоночный велосипед – втулка характерно щелкала. Эдуардо поднял глаза. Велосипедист остановился наискосок от него, у крайнего ряда столиков со стороны площади. С седла слез невысокий человек с рюкзаком. Он сел за соседний столик и кивнул Эдуардо, когда их взгляды встретились. Мужчина был бледен, коротко подстрижен... и что-то такое было в его глазах...

Эдуардо улыбнулся в ответ и продолжил просматривать газету. Он нашел список национальных лиг, прочел и расстроился из-за слабых успехов «Малаги». Гусман не хотел болеть за «Барсу» или «Реал» – только за «Малагу» или ни за кого.

По площади побежал ветерок, слегка приподнял верхнюю часть газетных страниц и загнул их вовнутрь, заставив медленно переворачиваться. Тишину снова прервало щелканье теперь уже покидавшего кафе велосипедиста. Эдуардо поднял глаза и взглядом проводил его, а потом снова уткнулся в газету.

Тут в его памяти всплыла картина – картина с велосипедистом. В воспоминании что-то было не так, чего-то не хватало. Эдуардо снова оторвался от газеты, велосипедист уже скрылся из виду. Гусман посмотрел на стол, за которым только что сидел уехавший мужчина. «Что я видел? Он выглядел по-другому, когда уезжал; чего-то не хватало... Он что-то оставил? Куртку? Нет, что-то другое...» Эдуардо напрягал память... Рюкзак!

Он наклонился. Точно, рюкзак стоял под стулом. Черный, он, как и любой другой, был неподвижен, но, казалось, обладал жизнью. Как будто Эдуардо мог разглядеть что-то

незримое – жизнь там, внутри, которая вскоре приведет рюкзак в движение.

Так и случилось.

Возможно, скорость чувства на мгновение опережает скорость света. Вот почему Эдуардо успел на миллионную долю секунды ощутить благодарность. Короткий, но наполненный теплом миг благодарности за то, что божья рука увела двух любимых сыновей прочь от этого ужасного события, которое прямо сейчас завладело им и разорвало его существо на части.

От жара мощного и разрушительного взрыва все поблизости превратилось в пар – кофе, апельсиновый лимонад... К ним примешивались слюна Эдуардо, его слезы, пот, кровь, жидкости организма.

Все, чем раньше был Эдуардо Гусман, исчезло в бесконечном небытии.

С водосточных труб свисали длинные сосульки. Мороз уже пришел, но снега почти не было. Зима в этом году выдалась нерешительной.

София шла, а Альберт катился рядом в кресле для инвалидов, стараясь двигаться в ее темпе.

Они редко разговаривали так рано утром. София то и дело дотрагивалась до его плеча. На первый взгляд он мог показаться маленьким мальчиком. Но это было не так. Скоро ему исполнится семнадцать. Подростку, который заботился о своем теле, занимался спортом и делал все возможное, чтобы вести настолько нормальную жизнь, насколько позволяла травма позвоночника.

Жизнь, конечно, изменилась после того, как полгода назад он попал под колеса автомобиля. Друзей поубавилось, но Анна осталась. София заметила их взаимное чувство – это была настоящая любовь, которой хватало и ей тоже. Однако осталось что-то еще. Горе, с которым ни он, ни она не могли справиться и о котором оба не могли говорить.

У входа в метро около Технологического института они обнялись.

– Целую, милый, скоро увидимся дома.

Альберт ответил юношеской улыбкой и покатил к лифту, который доставит его на платформу.

Он вырос. Она хотела, чтобы Альберт всегда был ребенком, ведь тогда она могла быть матерью и избежать одиночества. Горестное и вместе с тем наивное чувство.

София не ушла, пока не удостоверилась, что Альберт уехал. Тогда она спустилась по эскалатору и села на следующий поезд.

* * *

Поезд метро несся по подземелью. София не мигая смотрела в темноту. Она вышла из метро у площади Йостермалм, немного прошлась по улицам у площади Стуреплан, чтобы убедиться, что за ней никто не следит, затем вышла на край тротуара и жестом подозвала такси. Села на заднее сиденье и назвала водителю адрес в центре.

Когда они подъехали к кольцевой развязке Сергельронделлен, София подалась вперед и сказала:

– Подождите, я передумала. Не могли бы вы сделать тут пару кругов, потом выехать на улицу Свеавэген, а дальше в сторону района Фрескати?

Водитель мельком взглянул на нее в зеркало заднего вида.

– Конечно, мадам. Без проблем.

София повернулась и стала смотреть на дорогу через заднее стекло. Одна из мер предосторожности, которая полностью ничего не гарантировала, но Лежек заставлял следовать ей. *«Всегда перестраховывайся»*, – снова и снова повторял он.

По дороге за ними никто не следил, что стало для Софии неожиданностью.

Она выпрямилась. Снаружи – транспорт, люди, автомобили и собственное неясное отражение в стекле. София успела заметить какое-то жесткое выражение в своем облике.

Как будто собиралась ответить на оскорбление. Но все было не так. Выражение лица являлось физическим следствием постоянного страха, тревоги и злобы, переживаемых одновременно.

Такси остановилось около красивых старинных зданий из кирпича, часть которых примыкала к университету с другой стороны шоссе.

Она заплатила водителю наличными и вошла в трехэтажный дом, где располагались небольшие предприятия. Поднялась по лестнице, открыла незнакомую дверь, прошла по коридору с пустыми и необорудованными офисами и небольшим застекленным конференц-залом. Там заметила, что на белой доске кто-то черным маркером написал математические формулы. София подумала, что для нее это слишком сложно.

В конце коридора она открыла дверь и вошла.

– Простите за опоздание.

Эрнст Лундваль не ответил – он сидел и сосредоточенно листал бумаги. Лежек в отдалении сам по себе сидел на стуле.

– Здравствуйте, Лежек, – сказала София.

Он тоже не ответил. Это не было невежливостью, просто он не поздоровался.

Она села на место у стола, где лежал мобильный телефон, и посмотрела на мужчин. Эрнст, советник Гектора по юридическим и экономическим вопросам с далеким от реальности видением организации. Сложный и умный человек с явным отсутствием интереса к людям. А Лежек Смиалы – многолетний телохранитель отца Гектора, Адальберто Гусмана. Теперь, рядом с Софией, он походил на неясную комбинацию защитника, охранника и надзирателя.

Она осмотрелась. Большие высокие окна, выходящие на бухту Брунсвикен. Интерьер с красивой старинной мебелью создавал единое чувство стиля и торжественности. Она никогда не была здесь раньше и никогда сюда не вернется. Подобные встречи проводились регулярно раз в неделю и длились один день. Всегда на новом месте, о котором София узнавала за несколько часов до мероприятия.

Трубка, лежащая перед ней на столе, завибрировала. София выждала несколько секунд, прежде чем ответить:

– Да?

– *Кто находится в помещении?* – Голос Арона.

– Лежек и Эрнст.

– *Громкая связь работает?*

Она включила функцию громкой связи на мобильном и положила его на стол. В трубке некоторое время раздавался треск – возможно, из-за плохой связи в горах на юге Испании, где находился Арон.

Последовало шипение, и снова голос Арона:

– *Брат Гектора, Эдуардо, убит вчера в Биаррице.*

Если до разговора в комнате стояла тишина, то сейчас было нечто другое.

София опустила глаза на руки, сложенные на коленях. Она не знала Эдуардо, только слышала разговоры о нем. Брат Гектора...

– Как это произошло? – спросила она.

– *Бомба в кафе.*

Тишина стала еще плотнее.

– Покушались именно на него? – продолжала она.

– *Полагаем, что да.*

София наблюдала за Эрнстом и Лежеком. Эрнст никак не отреагировал, сохранял ту же невозмутимость, что и всегда. Лежек, напротив, выглядел подавленным; руки он опустил на колени, а взглядом уперся в пол, как будто из него выпустили воздух. София знала, что из присутствующих он ближе всех был знаком с Эдуардо – по крайней мере, не так мало, как остальные. По приказу Адальберто Лежек отправил Хасани в Биарриц, чтобы защитить Эдуардо и его семью. Но что могут телохранители противопоставить бомбам?

Лежек поднял глаза.

– Дети? Ангела?

– *Они под охраной. Хасани увез их.*

– Инес и ее семье тоже нужна защита.

Инес, сестра Гектора, тоже предпочла держаться подальше от дел брата. Жила в Мадриде, в браке, мать двоих детей: мальчика и девочки.

– *Я все устрою,* – ответил Арон из динамика.

София поглаживала руки.

– Кто это сделал? – спросила она.

В динамике загрещало, но когда появился голос Арона, шум пропал.

– *...Я не знаю.*

– Это мог быть несчастный случай, ошибка?

– *Нет.*

– Но он жил под фальшивым именем и вся семья тоже? – продолжала Софи.

– *Да,* – ответил Арон без каких-либо объяснений.

– Почему сейчас? И почему Эдуардо?

– Кто знает...

Арон сменил тон.

– *Эрнст?* – спросил он.

– Да? – Полная концентрация на бумагах.

– *Отложи все, что в данный момент не является делом первой важности. Что нужно сделать срочно?*

Эрнст придвинул очки к носу.

– Три вещи. Во-первых, дон Игнасио опять давит, хочет разобраться в деталях; настойчив, спрашивает о Гекторе, требует личного общения с ним.

– *Что ты отвечаешь?*

– То же, что всегда: такова договоренность, из соображений безопасности.

– *Он тебе верит?*

– Нет, и мне кажется, мы исчерпали все отговорки.

– *Во-вторых?* – спросил Арон.

Эрнст взял другой листок и заговорил о других делах. Речь шла об индустрии фальсификаций, где они вкладывали большие деньги в поддельные продукты, фирменные марки и лекарства, о людях из биржевого предприятия, которых использовали в качестве источников информации.

София один раз прокрутила кольцо на безымянном пальце правой руки.

Она занималась этим полгода – слушала их разговоры, делала то, что просили. Ездил в командировки и встречалась с людьми, которых презирала. Большинство – взрослые мужчины с интеллектом ребенка, полные банальностей и исключительно бездарно игравшие

роли плохих парней.

Она тоже играла роль кого-то, кем не являлась. Успокаивала и уверяла, что Гектор чувствует себя хорошо и контролирует все из секретного места. Но она лгала. Изменений в лучшую сторону не было, Гектор не вел управление из убежища. Он по-прежнему был в коме. Управлением занимался Арон. Но были еще Эрнст, Лежек и сама София – сборная солянка. Все ради того, чтобы держать тонущий корабль на плаву.

София ненавидела свое положение. Вечером, когда она ложилась спать, и утром, когда просыпалась, ее преследовал страх. София не хотела участвовать, но выбора у нее не было. Арон ясно дал ей это понять. Парадокс заключался в том, что, несмотря на это, она чувствовала себя уверенно и в безопасности, как будто находилась среди друзей. Особенно с Лежеком. Он постоянно был рядом, прикрывал ее, всегда напоминал о ситуации в данный момент, о положении, предупреждал об опасности. Конечно, ее безопасность была иллюзорной.

Краем уха София услышала свое имя. Оно вернуло ее в реальность, из слабого динамика с потрескиваниями слышался голос Арона.

– ...София? Возьми телефон.

Она подняла трубку со стола, отключила громкую связь и приложила телефон к уху.

– Да?

– Я хочу, чтобы ты назначила встречу дону Игнасио.

– Зачем?

– Чтобы успокоить их. Рассказать о ситуации, не раскрывая деталей. – Он говорил, пытаюсь подавить напряжение. – Они нужны нам как союзники, но мы не можем расширяться, не сейчас. Попроси их потерпеть. Повысь оплату, если нужно.

– Эрнст им уже говорил это, неоднократно.

– Скажи еще раз.

– Ничего не изменится.

Слова повисли в воздухе.

– Нам нужно время. Вот в чем разница. Позаботься об этом.

– Не очень хорошая идея, Арон.

– А, по-моему, хорошая.

София услышала нотки отчаяния в его голосе. На нем лежала ответственность слишком за многое; слишком многое он должен был контролировать.

– Где я должна с ними встретиться?

– Ты поедешь к ним. Попроси Эрнста организовать встречу.

– В Колумбию?

– Они там живут.

Тело лежало пластом на паркете лицом вниз, между лопаток торчал нож, рядом с мужчиной на полу оказалось одеяло с кровати. Он был голый или почти голый – покинул мир в том же виде, в каком пришел в него, если не считать пары белых спортивных носков на ногах.

Антония Миллер размышляла над тем, что видела. Кровь из ножевой раны почти не текла. А положение тела? Она присела на корточки и стала рассматривать труп с разных углов. Был ли он ранен в кровати, когда спал? Возможно, проснулся и упал на пол, перед тем как умер? Или его ранили на полу...

Вспышка камеры ослепила ее, затем друг за другом без пауз последовало еще несколько вспышек. Криминалист писал протокол; казалось, он никогда не закончит. Антония встала и обвела глазами комнату. Картина: Элвис в роли бармена, Дин, Хамфри и Мэрилин за барной стойкой. На другой стене над комодом плакат в рамке с грязным оргстеклом: баскетбольная команда, много звезд и полосок, напечатанные автографы – «Гарлем глобтроттерс»^[2] 1979 года. Полка из сосны с парой старых фильмов о Грязном Гарри^[3] с Клинтом Иствудом^[4] и кассетами с трансвестит-порно.

Антония обратилась к записям в своем маленьком погнувшемся в заднем кармане блокноте. Имя убитого было неизвестно. Квартирой владела женщина, которая сдавала еще двенадцать квартир в городе и за городом.

– Я закончил, – сказал криминалист и вышел из комнаты.

– Спасибо, – пробормотала она.

У нее за спиной закрипели ступени. Антония обернулась.

Там стоял ее шеф Томми Янссон, стоял и смотрел на труп. Томми принес с собой погоду – по крайней мере, его внешний вид соответствовал ей: плечи покрывала изморось, а с черной кожаной куртки стекал таявший снег. С собой он взял кое-что еще, своего верного спутника – нервное раздражение.

Томми указал большим пальцем себе за спину и нервно зашептал:

– Улица, черт возьми, односторонняя. Я подъехал не с той стороны, пришлось припарковаться и идти два квартала!

Он говорил так, как будто улица специально была сделана односторонней, чтобы только его позлить. Томми пристально смотрел на Антонию – наверное, он ждал ответа или выражения сочувствия, хотя бы солидарности. Но ничего такого не последовало.

– Томми, что ты тут делаешь? – предпочла спросить она.

Вопрос был не праздным. Последнее время он редко приезжал на место преступления.

– Услышал по радио, ехал поблизости, – невнятно ответил он, указав на труп. – Можешь взяться за это, Антония?

– Да, я ведь здесь?

– За все целиком, я имею в виду.

– Вот как?

– Ты жалуешься, что у тебя слишком много всего, – продолжал Томми.

– Нет, не много.

Из квартиры Антония и Томми ушли вместе. Когда они медленно спускались на первый этаж, старый механизм лифта скрипел.

Антония Миллер и Томми Янссон в замкнутом пространстве. Они недолго любили друг друга. Одни в скрипящем лифте... у них было немного тем для разговора. К счастью, Антония знала, что жена Томми страдала от БАС^[5] и была при смерти.

– Как самочувствие у Моника?

Сначала Томми смотрел в пол, потом поднял подбородок и оглядел Антонию, как будто пытался найти скрытый мотив ее вопроса.

– Без изменений.

Он ответил так коротко и нарочито вежливо, что у нее резануло в животе.

Они спустились на первый этаж. Томми отодвинул внутреннюю решетку. Та поддавалась. Он протиснулся первым. Правило «сначала дамы» не действовало в ситуациях, когда он был начальником.

Когда они вышли на улицу Софиагатан, снег уже превратился в град.

– Может, увидимся вечером, – произнесла она.

– Может быть, – вяло ответил он и, ругая погоду, пошел направо.

Антония посмотрела ему вслед, а потом подняла глаза на темное холодное небо, открывшее вентили и выпускавшее теперь из них маленькие ледяные осколки. Собравшись с духом, она шагнула в непогоду, поспешила к машине и плюхнулась на водительское сиденье. Град усилился, громко ударяя по стальной крыше автомобиля. Прежде чем повернуть ключ зажигания и завести двигатель, Антония некоторое время сидела неподвижно. Надо было высушить запотевшие стекла, и вентилятор работал на полную мощность. Потом она уехала, обогнав Тони, который торопливо шел по тротуару вдоль фасада, засунув руки глубоко в карманы куртки и всем своим видом показывая, как ему плохо.

У Антонии даже мысли не возникло подвезти шефа до его машины.

Его имя произносилось как английская мера длины или как имя американского трубача. Но у его родителей не было английских корней, да и джазом они никогда не увлекались. Они были дипломатами и считали, что важно иметь интернациональное имя. Все Ингмарссоны были дипломатами, поколение за поколением. Всех звали не по-шведски, как, например, Джон, Кэтрин, Сэнди, Тэд, Сэм, Молли. Младшего брата Майлза звали Ян, а своим детям тот дал имена Салли и Джек. Всю семью поразил скандинавский комплекс Кеннеди, в который обязательно входили успех, белый летний домик, яхты, претенциозные косые проборы и носки туфель, а еще удивительная способность ни на миллиметр не открывать дверь в свой внутренний мир для окружающих. Вместо этого их все больше поглощало поверхностное существование, где беседы за коктейлем и другая банальная чепуха составляли основу жизни.

Майлз тоже когда-то был дипломатом, но в том мире он с самого начала не мог найти себе место. Он ничего не понимал в правилах коллективного общения, которые, казалось,

другие воспринимали как нечто само собой разумеющееся.

По карьерной лестнице Майлз продвигался в обратную сторону. Начав с вершины, быстро и уверенно спустился вниз. От посольства в Анкаре до Скопье в Македонии, потом Кишинев в Молдавии и, наконец, Хартум в Судане, где он занимал странную должность, суть которой не понимал никто.

Как по учебнику, Майлз женился на женщине удовлетворительной внешности с академическим образованием и со способностью вести диалог. Правда, он не рассчитал, что со временем она полюбит его... захочет его понять... Майлз жутко испугался. В итоге они развелись. Его бывшая жена тут же встретила дантиста из Броммы и забеременела.

Дипломатическая родня пыталась помочь устроить его будущее. Майлз не выдержал. Единственным выходом была смена профессии, он стремился как можно дальше уйти от МИДа и дипломатии. Им на смену пришел мир полиции. Дипломаты и полицейские – противоположности, разные полюса во всех отношениях.

Семья перестала общаться с ним. Сколь велико было их разочарование, столь спасительным – его освобождение.

Теперь сорокапятилетний Ингмарссон был относительно натренирован и мускулист благодаря периодически возникающей привычке отжиматься и приседать перед сном. Его темные с проседью волосы, лицо и глаза воскрешали в голове образ кинозвезды из старых фильмов. Хотя в целом этот образ почти целиком затмевало поведение Майлза с отпечатком невидимого горя, в котором не смог бы разобраться и Фрейд, впрочем, как и сам Майлз.

Он находился в сильной зависимости от стриптизерш. Благодаря им Ингмарссон чувствовал себя лучше и только в этой обстановке мог по-настоящему расслабиться. Тепло, излучаемое женщиной, и хотя бы недолгое созерцание груди; формы, женственность... Его не интересовал секс; скорее у него развилась нездоровая потребность в защищенности, которую в чем-то еще найти не получалось. Где он только не искал – алкоголь, гашиш, еда, спорт, азартные игры... Ничего не действовало так, как стриптиз. Майлз ходил в стрип-клубы пять раз в неделю, круглый год в любую погоду.

Вот и опять он сидит здесь, за одним из столиков в неосвещенном углу, и пристально смотрит на худощавую женщину с силиконовой грудью. Женщина танцевала у шеста под паршивую восточную электронную музыку. Получалось у нее плохо. Майлз хотел сказать ей, что танцевать необязательно и она может этого не делать, а просто постоять здесь, подвигаться немного...

В кармане пиджака завибрировал телефон.

– Да?

Томми Янссон из Управления интересовался, чем занимается Майлз.

– Обедаю, – ответил Ингмарссон.

– *Хочешь работать на меня?*

Женщина слишком резко и неловко сделала оборот вокруг хорошо отполированного шеста.

– Хорошо, – ответил Ингмарссон и продолжил смотреть представление.

* * *

Уходить из стрип-клуба среди бела дня – вечный стыд, длящийся семь секунд. Именно

столько нужно, чтобы открыть дверь, выйти на улицу, дать двери захлопнуться и ретироваться, принимая на себя выражения лиц прохожих. *Извращенец.*

Майлз с трудом брел по обильно выпавшему за утро снегу. Теперь – для удобства автомобилистов – его убрали в большие сугробы на тротуаре так, что пешеходы могли серьезно пострадать.

Держась ближе к домам, Ингмарссон выудил из кармана пальто сигарету, зажал фильтр между губами и прикурил от пьезозажигалки. Затянулся, двинулся дальше. Дым прожег отверстие в легких, прежде чем Майлз успел выдохнуть. Затем он сделал еще две быстрые глубокие затяжки одну за другой, чтобы унять желание и насладиться разрушением.

Последние годы Ингмарссон работал в Отделе по борьбе с экономическими преступлениями. Там он вел неинтересные дела, которые редко приводили к чему-либо. Его это устраивало: он мог не напрягаться.

Но позвонил Томми Янссон. Томми хочет встретиться, Томми хочет поговорить. В том самом пабе в квартале Клараквартирен, где зависали все копы, устраивали вечеринки «синих мигалок». Сегодня к копам присоединились работники «скорой» и пожарные. Обычно они встречались и напивались в середине недели. Майлз несколько раз бывал на таких встречах, и ему не понравилось. Ребята со «скорой» – идиоты, все пожарные – пижоны или геи, а может, и то, и другое. *Коллеги*, как упорно называли друг друга копы определенного типа, были настолько далеки от Майлза, что в их присутствии он чувствовал отвращение. Но Томми хотел встретиться именно там и собирался предложить Майлзу новую работу. Наверное, сейчас самое время. Он и так чувствует, что умирает с каждым днем. И это ощущение не покидает его уже очень давно.

* * *

Запах пота, заезженные хиты семидесятых, водянистое разливное пиво и слишком яркое освещение – вот краткое описание вечеринки «синих мигалок». Майлз пробирался через море людей.

Томми сидел в глубине за одним из столиков рядом с другими важными персонами. Угол предназначался для них – высокопоставленных копов. Если иногда какой-нибудь незнающий новичок забредал сюда, всегда наступало глубокое замешательство. Все в помещении стремились показать, что знают правила. Раздавались крики и улюлюканье.

Увидев Майлза, Томми поднял правую руку. Ингмарссон сел и знаком показал, что заказывает пиво. Они с трудом справились с житейским банальным разговором: он был недолог, у обоих не получалось его вести. Тут Томми перешел к главному.

– Хочешь взяться за расследование убийства?

– С чем оно связано?

– С «Трастеном».

– «Трастеном»? – переспросил Майлз.

– Ресторан в районе Васастан. Бойня гангстеров прошлым летом. Сбежавший Гектор Гусман, – уточнил Томми.

Майлз кивнул. Об этом деле знали все.

– А почему ты спрашиваешь? – поинтересовался он.

– Потому что мне нужен другой следователь.

– Почему именно я?

– Потому что ты опытный боец и хорошо знаешь технологию.

– Нет, не знаю.

– Знаешь.

– В чем подвох?

– Никакого подвоха; ты предпочтительнее, чем нынешний следователь.

– В чем подвох? – переспросил Майлз.

– Да не будь ты так чертовски въедлив. У нас много работы, у тебя есть возможность получить более высокое звание. И она нужна мне для другого.

– Она?

– Миллер, Антония Миллер.

Майлз знал это имя. Он слышал, что ее хвалили.

– Когда?

– Скоро, – сказал Томми и сделал хороший глоток пива.

– У меня много расследований в отделе, – произнес Майлз. – Я не могу бросить коллег в беде, не сейчас.

Томми держал бокал в руке, пытаясь подавить икоту.

– Да можешь, конечно. Там наверху целая банда гребаных социалистов. Я выдерну тебя оттуда. И они ни хрена не смогут сделать.

Многие годы их дороги то и дело пересекались. Они даже, можно сказать, были приятелями. Они давно не виделись, и Майлзу показалось, что Томми изменился, стал в каком-то смысле круче.

– А Миллер?

– Не беспокойся за нее, – хрипло ответил Томми.

Майлз дал волю мыслям. Он не находил ни плюсов, ни минусов в этом предложении, но так обычно и бывало. Во всем ровный слой из ничего.

Подошел официант с неаккуратно налитым пивом и поставил бокал, от которого на столе образовалось мокрое пятно.

Майлз сделал глоток, Томми – три больших.

– Будешь еще? – спросил он; у него в желудке было слишком много кислоты.

Майлз покачал головой. Томми рыгнул.

* * *

Антония стояла чуть поодаль у барной стойки. Она видела Томми и другого мужчину, но не придавала этому особого значения. Миллер встречалась с Томми каждый день, они вместе работали и то и дело ворчали друг на друга. Прежде всего из-за того, что она была напориста, а он, наоборот, сдержан. Так и должно быть, он же ее шеф. Но по какой-то причине отношения у них не сложились. Антония считала, что за последние месяцы он изменился: переменчивое настроение, короткие вспышки, резкость и высокомерие. Ей казалось, что он контролирует ее, мешает работать. К тому же от него постоянно пахло перегаром. Вероятно, всему виной был стресс от совместной жизни со смертельно больной супругой. Но Антония сама устала от попыток принять его дурные черты. Хотя знала, что у нее и своих хватает. Очевидно, Томми считал ее тяжелым человеком, да и многие так считали. Что она была

навязчивой, энергичной и пробивной в своих желаниях. А что ей оставалось? Сдерживать себя?

Антония выросла в доме, полном любви. Во всяком случае, таким она хотела его помнить. Но в этой любви таился страх правды. Взрослые начинали говорить шепотом и замолкали, как только Антония подходила к ним. Может, родители просто боялись, что так называемая действительность окажется слишком холодной и жесткой для ее нежных ушей. Само по себе это не имело значения. Важно то, что из-за того, что окружающие постоянно шептались, у нее развилась почти болезненная потребность знать. О чем бы ни шла речь, ей нужен был ответ, чтобы дышать и жить.

Со временем Антония получила много ответов. Благодаря им она быстро продвигалась по карьерной лестнице и стала признанным талантливым следователем. Но сейчас все остановилось: ответы не приходили так, как обычно. В ее восприятии Томми начинал говорить шепотом, когда она приближалась к нему. И она хотела знать почему.

Антония снова посмотрела на мужчин, сидевших в отдалении. Брюнет встал, пожал руку Томми и покинул столик. Мужчина шел на нее, и когда он проходил мимо, они встретились взглядами. Она узнала его. Из Экономического отдела. Один из тысячи разочарованных, которые приходили и уходили у нее на глазах. От многих его отличал стиль одежды – «сноб а-ля 80-е». Джинсы, черные броги, красивая рубашка под дорогим свитером из овечьей шерсти; тонкий бежевый плащ, перекинутый через руку. В мужчине была какая-то небрежная элегантность...

Антония осмотрелась: полицейские, пожарные и работники «скорой»; в их толпе она искала Ульфа. Ульф был единственной причиной, по которой она пришла сюда. Он был опытным следователем – далекарлиец^[6] из Людвики, молчаливый и глубоко внутри добрый. Она не западала на накачанных копов. В нем ее привлекали его уверенность в сексе, оригинальность и молчаливость... ну, и глубоко спрятанная доброта.

Она увидела его, а он заметил ее. Они выпили вместе; разговор не клеился. Потом такси к нему, в аккуратную двухкомнатную квартиру в районе Сундбюберг, где в туалете горели ароматные свечи. *Ульф...*

София прошла через таможенный контроль с дорожной сумкой и вышла в зал прилета к стоявшим в ряд стойкам аренды автомобилей. Она отдала бронирование человеку за нужной стойкой – и вскоре уже сидела за рулем автомобиля и ехала в сторону города Картаго, находящегося к юго-западу от города Перейра.

Через открытое окно в машину вливалось тепло, темные очки давали глазам Софии возможность отдохнуть от яркого солнца.

Когда машина припарковалась на маленькой площади в центре города, церковный колокол пробил три часа дня. Ей сказали, что она должна ждать здесь, ждать такси. Едва женщина успела об этом подумать, как с узкой улочки выехало поднявшееся в горку такси.

Водитель не разговаривал с Софией, а просто ездил по городу и вглядывался в зеркало заднего вида, потом сделал один звонок по мобильному, что-то промычал и отключился.

Через некоторое время он остановился на оживленной улице около ресторана и жестом показал, чтобы София вошла. Она последовала указаниям, и внутри перед дверью какой-то мужчина осторожно взял ее под руку и провел между столиками, через кухню и дальше к двери, выходящей на пустынную улицу. Там стояло другое такси с открытой задней дверью. София юркнула на сиденье, дверь захлопнулась, и такси поехало прочь. Вот так все и продолжалось. София сменила три машины, прежде чем наконец оказалась в серебристом «Кадиллаке», который на высокой скорости вез ее по шоссе.

Там женщина немного расслабилась и стала смотреть на руки, сложенные на коленях. Она просто плыла по течению, жизнь толкала ее, София делала то, что говорят, стараясь лишней раз не думать и не чувствовать.

Прочные и понятные ценности больше не играли роли, исчезли, стали недоступны. Ее внутренний монолог стих. Взгляд на других людей – все могли представлять угрозу. Взгляд на себя – мрачнее, холоднее, изолированнее, жестче. Но еще она стала глубже осознавать вещи и явления, стала яснее в мыслях, реалистичнее...

Или она просто выдавала желаемое за действительное? Ей необходимо на что-то опереться?

За окном автомобиля раскинулся зеленый мир. Вдали горы окаймляли пейзаж, словно взяв его в объятия.

София мяла ладони. Ее жизнь перестала быть обыденной...

Но иногда она заставляла себя возвращаться туда. В *обыденность*. Как будто хотела получить алиби. Только иногда, чаще всего на ужинах, где обыкновенные люди напивались, а обыкновенные мужчины навеселе искали обычное или необычное внимание – возможно, одобрение или просто-напросто любовь. Она никогда не понимала этого.

И никто не ставил под сомнение ее существование или отсутствие в этом мире. Все *обыкновенные* держали дистанцию и одновременно относились к ней с заботой и преувеличенным уважением. К ней, Софии, вдове с сыном, прикованным к коляске, – это определение стало ее защитой. Именно так она и хотела жить, чтобы защитить Альберта и себя. Изолированно, без близких связей, просто быть обезличенной оболочкой, чтобы никто не заинтересовался и не начал задавать вопросы.

«Кадиллак» свернул с шоссе и углубился в лес. Сквозь листву редких деревьев струился

свет. Они ехали довольно долго.

Тут София увидела сторожевой домик и шлагбаум. Худой мужчина с автоматом через плечо вышел из домика, поприветствовал жестом и поднял шлагбаум. «Кадиллак» поехал дальше. На возвышении среди деревьев София заметила снайпера в камуфляже. Снайпер лежал на животе и держал на прицеле автомобиль с ней.

Они выехали из леса, дорога стала лучше и наконец, петляя, привела наверх к небольшому замку сливочного цвета с колоннами, статуями, к фонтанам и зеленым квадратам газонов.

Водитель открыл дверь, и София вышла из машины. Вид был грандиозный. Густая сочная зелень внизу простиралась насколько хватал глаз. Горы вдаль, повсюду царило плотное влажное тепло.

От входа в ее сторону двинулся темноволосый мужчина в серых брюках и белой рубашке.

– София? – спросил он.

Они поздоровались, крепко пожав руки. Игнасио Рамирес загадочным образом отличался необъяснимой безликостью. Улыбался он на вид естественно, но глаза выдавали что-то другое – возможно, неискренность. У него были темные крашенные волосы, бледная кожа и видневшийся под белой рубашкой живот, который свидетельствовал о лени и неправильном питании.

– Пойдем, – сказал он, махнув рукой в сторону от дома.

Дон Игнасио подождал, пока София сядет в электрический гольфмобиль, и повез ее по владениям, показывая и рассказывая. Они проехали мимо огороженного участка, где стоял одинокий жираф и смотрел в никуда вместе с несколькими зебрами и двумя бегемотами. У животных был удрученный вид. Теннисные корты, бассейны и водопады, вертолетная площадка с вертолетами. Повсюду вооруженные охранники.

София краем глаза следила за ним, как он гордо едет по своему нелепому Диснейленду. Бездушному и пустынному. Наполненному таким количеством негативной энергии, что она практически ощущала ее запах. И в этой энергии женщина чувствовала что-то говорившее ей, что ей не следует здесь находиться, надо уехать, бежать, здесь опасно, от этого заболевают, оно заразно.

* * *

Они сидели в просторной гостиной. Каменные стены из светло-серого гранита, большие окна с широкими рамами и опора для всего в виде покрытых светлым лаком деревянных конструкций. Широкие, глубокие и дорогие диваны. Комната напоминала североамериканский охотничий домик, как будто они находились на элитном лыжном курорте. София сидела далеко в глубине мягкого дивана, дон Игнасио – в кресле.

Официант в белой рубашке и черных брюках принес закуски и напиток, поставил на стол и тихо вышел из комнаты.

Дон Игнасио потянулся к вазочке за орешками.

– Подождем какое-то время, – сказал он и попробовал орехи.

Тут открылась дальняя дверь. София увидела Альфонсо Рамиреса, вальяжно идущего в ее сторону. У него была белозубая улыбка, светло-коричневая кожа, черные волосы. Он

скрывал почти все, что с ним происходило, – он был таким человеком, любил находиться в центре внимания.

– Мы знакомы, – обратился Альфонсо к Софии со своей неизменно широкой улыбкой.

Нет, на самом деле они совсем не знали друг друга. Но она встречала его в «Трастене», когда все полетело к чертям. Когда Йенса чуть не убили русские бандиты, когда Михаил Асмаров и Клаус Кёлер спасли им жизнь, когда Гектор и другой мужчина у нее на глазах в состоянии искренней радости убили одного из русских.

София встала, Альфонсо привычно поцеловал ее в обе щеки и сел на диван, туда, где тот загибался на девяносто градусов.

– Стокгольм! – воскликнул он, всплеснув руками. – Вот где жизнь! – Громко рассмеялся, дождался, пока пройдет приступ смеха. Радость сменилась сочувствием. – Как себя чувствует Гектор?

– Хорошо.

Альфонсо кивнул.

– Радостно слышать. Я нервничал, мой дядя тоже.

Альфонсо показал на дона Игнасио, который казался не очень-то встревоженным. Его пустой взгляд скорее говорил о том, что, по его мнению, все, кроме него самого, было чем-то преходящим и бессмысленным.

– И вот теперь ты здесь, Софи, – сказал Альфонсо.

Она восприняла его слова как намек на то, что пришло время рассказать о цели визита, но Альфонсо поднял руку.

– И вот теперь ты здесь, – повторил он. – Чтобы успокоить нас, чтобы подтвердить, что все идет по плану. Возможно, ты попросишь больше времени, может, расскажешь историю, что вы снова в деле, что наш бизнес скоро пойдет в гору...

Альфонсо говорил холодно, настроение его изменилось.

– Но мы всё знаем, – продолжал он. – Мы знаем, что вы связались с множеством деловых партнеров Гектора и заверили их, что всё нормально, всё под контролем, что Гектор скрывается, но активно действует. Вот это вы им и сообщили. Вы попросили о терпении и понимании, вы дали обещание бóльших успехов, как только все успокоится и придет в норму. Такова была ваша миссия, и вы хорошо с ней справлялись.

Альфонсо Рамирес поднял указательный палец.

– Но, может, Гектор Гусман мертв? Или настолько плох, что не может говорить, пока Арон изо всех сил пытается удержать маленькую компанию на плаву? Я мыслю в правильном направлении?

Альфонсо замолчал. Дон Игнасио продолжал есть орешки, теперь медленнее, по одному, как будто первые горсти утолили его голод.

– Сколько будет стоить? – спросила София.

Альфонсо непонимающе улыбнулся, хотя улыбка далась с трудом.

– Стоить? – переспросил он.

– Да, стоить.

Дон Игнасио бросил в рот еще один орешек.

– Стоить что? – спросил он.

– Прекращение, – ответила София.

– Прекращение чего?

– Сотрудничества, работы с вами.

– Как? Навсегда? – В рот полетел очередной орешек.

София не ответила.

Дон Игнасио с грустным выражением лица, продолжая жевать, что-то беззвучно пробормотал на своем языке; слова звучали удрученно.

– Я должен назначить цену? – спросил он.

София держала паузу.

– Нет какой-то специальной стоимости, – продолжал дон Игнасио.

– А нужна она? – спросила София.

Он пожал плечами.

– Нет, конечно, не нужна.

– Так как бы мы поступили, чисто теоретически?

– *Теоретически*, – прошептал себе под нос дон Игнасио.

Игнасио и Альфонсо быстро переглянулись.

– Брат Гектора, Эдуардо Гусман, трагически погиб в Биаррице пару дней назад, – монотонно произнес Альфонсо.

В комнате сгустились сумерки.

– Кто-то что-то хочет от вас, кто-то хочет что-то сказать.

Он пытливо ловил ее взгляд своими бледно-голубыми глазами.

– У вас должны быть какие-то мысли, София? – продолжал он.

– Неважно.

Альфонсо улыбнулся.

– Не бойтесь, кто?

– Может быть кто угодно.

– Ну а вероятнее всего?

– Немцы, возможно, кто-то другой, – не выдержала она.

– Ханки?

Едва заметный кивок Софии.

– Почему Ханки? – спросил дон Игнасио.

Казалось, диалог разыгрывался по сценарию: один точно знал, когда должен вступить второй.

Она даже не шевельнулась: сидела и ждала.

– В последний раз они выиграли, так ведь?

Дон Игнасио откинулся на спинку.

– Им что-то нужно, – сказала София.

Он поднял брови.

– *Им что-то нужно*, – театрально повторил дон Игнасио и положил ногу на ногу.

София обратила внимание на его черные полуботинки, заношенные и грязные, на слишком короткие носки, которые не закрывали белых щиколоток.

– Что им нужно? – продолжал дон Игнасио. Он был теперь похож на учительницу, которая ждет заранее predetermined ответ.

– Все, им нужно все, насколько я понимаю.

– Верно, – ответил он, как будто София дала правильный ответ. – Им нужно все. И этим, София, можно измерить цену вашего прекращения сотрудничества с нами. – Игнасио чуть наклонился вперед и отчетливо прошептал: – Мы помогли Ханкам найти Эдуардо Гусмана в Биаррице.

Софию обдало колючим, причиняющим боль холодом. Он резал ее по живому.

– Вы получили приглашение от нас и от Ханков; воспринимайте ситуацию в таком ключе, – добавил дон Игнасио.

Она поймала себя на том, что, уставившись, смотрит на него. Он отреагировал на ее взгляд, сказав насмешливо:

– Именно так, София. Поэтому я совершенно серьезен, когда говорю, что ваша игра окончена. Давайте остановимся на смерти Эдуардо Гусмана... Угмонитесь. – Дон Игнасио потирал уголок рта, не спуская с нее глаз. – Понимаете, что мы имеем в виду? Понимаете ход мысли, язык? Можете осознать, о чем мы?

София молчала.

* * *

Мир за иллюминатором был вначале светло-голубым, бескрайним и холодным. Теперь он стал темным и съежился.

Игнасио работал вместе с Ханками, они убили Эдуардо Гусмана, а теперь хотели выманить Гектора. А она должна уговорить Арона упасть на колени и отдать все, что у них есть. Чего он никогда не сделает. Арон будет биться до конца – так он устроен.

Они будут убивать и дальше.

[\[7\]](#)

Йенс стоял в грузовом отсеке старого русского Ан-12, летевшего на запад на высоте восемь тысяч метров.

Самолет, которому было около пятидесяти лет, толкали вперед четыре гудящих советских турбодвигателя. Внутри было невыносимо шумно.

В старые добрые времена коммунистам удавалось затолкнуть в такой самолет сотню свирепых и до зубов вооруженных десантников. Теперь же здесь был один Йенс. Он и четыре ящика украденного имущества, дребезжащих в центре отсека.

Ящики принадлежали одному американскому особому подразделению, которое присвоило немало имущества высокопоставленных баасистов [\[8\]](#) во время первой волны входа сухопутных войск в Ирак в 2003 году. Присвоенное представляло по большей части золото, ювелирные украшения, предметы искусства, наркотики, оружие и много наличных. Все упаковали и закопали в пустыне к востоку от Багдада. Прошли годы, война закончилась, и пришло время выкопать ценности и вывезти из страны. Тогда связались с Йенсом, и он получил задание. Отправился в Багдад, где его не покидал страх, что машину взорвут, потом возил ящики с войны на войну – в Афганистан. Там он снова закопал их. Прошло еще несколько лет.

Месяц назад ему позвонили. Особое подразделение завершило миссию и хотело увезти ценности в США.

Переправьте их в Мехико, а мы оттуда доставим их в Штаты.

На стене в грузовом отсеке замигала лампа. Пилоты зачем-то вызывали Йенса. Он подошел к кабине.

Капитан и штурман были грузины. Немногословные, гордые и непрерывно курящие самокрутки.

– Мы приземлимся через сорок минут, – сказал капитан. – У нас будет четыре часа на то, чтобы разгрузиться, заправиться и поменять маркировку. Потом сваливаем.

Самолету нужно было вернуть его первоначальную маркировку. Ее спрятали под проклеенными изолентой листами таких же серого и белого цветов, как и корпус самолета. Когда они подлетят в Мехико, все должно снова стать легальным. Грузины отправятся домой, место назначения – Батуми, у Черного моря. Йенс уедет вместе с ними. Возможно, отделится от группы где-нибудь по дороге, он еще не решил. Йенс вел такую жизнь – все время в дороге. Не по какой-то определенной причине – просто потому, что не мог сидеть на месте; вынужденное поведение, чтобы держать себя в форме, работать, бросать вызов судьбе, переживать... *чувствовать*. Но это уже не действовало так же хорошо, как раньше. Жизнь начала повторяться и даже стала предсказуемой.

Штурман предложил ему самокрутку. Хоть Йенс давно бросил, он взял ее, прикурил от золотой зажигалки штурмана и опустил вниз в застекленной кабине.

Снаружи было совершенно темно, вкус сигареты напоминал сено и разъедал горло. Самолет трясло, шум двигателей то усиливался, то стихал, листы дребезжали и тряслись, заклепки трещали. Но Йенс привык, полагаясь на то, что Господь и добрая воля удержат самолет.

Вылетев из Душанбе два дня назад, они преодолели Туркмению и Турцию, взяли курс на юго-запад по дуге через Африканский континент, на всех парах пролетели последний отрезок перед дозаправкой и ночевкой на западе Алжира. Затем сложный перелет с зонами турбулентности через Атлантику в Южную Америку.

Непроглядная ночь. Йенса раскачивало вместе с самолетом, и он высматривал огни на земле, но не видел ничего, кроме слабого мигания аэронавигационных огней самолета и проплывавших мимо облаков.

Наконец они приблизились к земле, погасив все огни. Йенс видел кое-какие источники света на земле, но в целом было темно. Отлично. Они прибыли без приглашения и должны были незаметно совершить посадку и ретироваться – таков план.

Из корпуса самолета выдвинулись шасси. Самолет тряхануло и дернуло, прежде чем шасси успели зафиксироваться. Сопротивление воздуха стало ощутимым, машина с трудом двигалась вперед с работающими на высоких оборотах двигателями.

Йенс видел очертания земли, горы по бокам, выделяющиеся на фоне темного неба, дорожки, деревья, маленькие деревни. Иногда попадались скопления домиков, которые быстро исчезали под ним. Пейзажи Мексики: ни больше, ни меньше.

Земля приближалась, и второй пилот полностью выпустил закрылки. Сопротивление воздуха стало еще сильнее; казалось, самолет завис в воздухе. Вдруг под ними появилась слабо освещенная взлетно-посадочная полоса. Корпус «Антонова» слегка наклонился вперед. Потом самолет резко снизился на тридцать метров и стал планировать. Шум моторов стих, когда второй пилот прекратил подачу топлива. Они тихо парили несколько секунд, перед тем как шасси коснулись земли. Тяжелый удар, и еще мгновение в воздухе, еще один толчок – и гравитация взяла свое и зафиксировала самолет на земле. Машина катилась по неровной поверхности, и гул двигателей вернулся, когда пилот включил реверс и самолет затормозил в облаке пыли и песка. Они остановились немного наискосок, и двигатели выключились. Тишина. Слух Йенса резал звон в ушах.

Он вылез из носовой части и переместился в хвост самолета. Второй пилот уже стоял там, около грузовой рампы; он нажал на кнопку на стене, и вся задняя часть корпуса самолета раскрылась, словно огромная пасть.

Проникший внутрь воздух был теплым и приятно сухим.

Мехико, он здесь впервые...

Вдоль полосы Йенс заметил свет фар трех приближающихся машин. Он взглянул на наручные часы – американцы наверняка прибыли рано. Теперь пора приступить к делу. Йенс вместе со вторым пилотом ослабили ремни вокруг больших ящиков.

Автомобили встали точно под рампой. В самолет ворвалась банда вооруженных мексиканцев в современной военной форме. Первым ударили второго пилота. Йенс продумывал способы спасения в те пару секунд, когда вооруженные люди приближались к нему, но у него не было ни единого шанса. Прежде чем успел придумать что-то разумное, он получил удар прикладом в голову, потом еще – и упал.

Автомобиль вел Лежек. София сидела рядом на пассажирском сиденье. Они выехали из аэропорта Арланда и направлялись в Стокгольм. Лежек держал трубку у уха.

– Я только что забрал ее, – говорил он.

София слышала низкий голос Арона в потрескивающем телефоне. Лежек махнул трубкой.

– Начинай, – сказал он.

– Как и ожидалось, – ответила она чуть громче, чем обычно.

Арон что-то произнес, Лежек повторил для Софии.

– Их требования?

– Чтобы мы расширились.

Таков был метод – трое вели общую беседу. Двое разговаривали, один выступал в качестве связного; эта система помогала избежать непонимания, считал Арон.

– И вы ответили? – спросил он.

– Что мы пока подождем с этим, – ответила София.

– И их удовлетворил такой ответ?

– Да.

Арон задал какой-то вопрос Лежеку.

– Вот так просто? – передал тот.

София кивнула.

– Да.

– Цена?

– Прежняя.

Снова голос Арона в маленьком динамике, Лежек передавал.

– Почему?

– Мы нашли общий язык, – соврала София.

Лежек выслушал и задал ей еще один вопрос.

– Они спокойны?

– Да, думаю, – продолжала врать София, смотря в боковое окно.

Там мелькали расплывающиеся деревья.

– Что-нибудь еще? – спросил Лежек.

– Нет, – прошептала она.

Лежек с Ароном негромко обменялись парой фраз, потом Лежек отключился и продолжил рулить по прямому шоссе.

София сидела, глядя в никуда, и старалась сохранить то расслабленное состояние, которое пыталась сымитировать. Теперь ей нужно думать дважды, прежде чем говорить.

– Ангела с детьми направляются сюда вместе с Хасани, – сказал Лежек. – Они будут жить у Дафне и Тьери, пока мы не выясним, что происходит.

София увидела поезд, который ехал параллельно им с той же скоростью, что и автомобиль.

Лежек сменил тон.

– А завтра? – спросил он.

София не сразу поняла вопрос.

– Распорядок? – уточнил он.

А, распорядок, вечный чертов распорядок...

Ежедневная процедура с Лежеком: распорядок дня, ее расписание. Нарушающая тайну частной жизни и утомительная система контроля, которую он никогда не менял. Распорядок представлял собой информацию о заданиях Софии: где она должна будет находиться, когда и с кем встречаться и так далее. Иногда в общих чертах, иногда изнурительно детально. Лежек фиксировал и контролировал каждый ее шаг. Проводилась выборочная проверка. Он мог появиться без предупреждения где угодно, мог неожиданно позвонить и удостовериться, где в данный момент находится София, попросить ее отправиться в место, рядом с которым она по заданию должна была находиться... Такой контроль вызывал стресс, но София адаптировалась и не жаловалась. Никогда.

Она дала глазам отдохнуть на картине мира за окном, поправила небольшую прядь на лбу и монотонно произнесла:

– В первой половине дня – дома. Потом стирка, вечером отвезти Альберта на тренировку. Поехать к Дафне и Тьери, встретить Ангелу с мальчиками.

* * *

София избегала смотреть на себя в зеркало в лифте; вместо этого она предпочла сконцентрироваться на собственных туфлях, пока лифт не остановился на ее этаже.

В прихожей был слышен смех из гостиной. София поставила сумку на пол и вошла.

Альберт сидел на диване с Анной на коленях. Она смотрела на него, прижималась и хихикала, когда он щипал ее за бока. Она гладила его волосы, и они целовались в паузах между словами, нежными, искренними и полными любви.

Анна почувствовала присутствие Софии и поспешно покинула колени Альберта. Молодые люди пытались подавить неловкость. София рассмеялась: смущенная Анна стояла посреди комнаты и не знала, куда деваться, Альберт натянуто улыбался, как делал всегда, когда его охватывала паника.

– Здравствуйте, – выпалила Анна с преувеличенной радостью, чтобы скрыть свое замешательство.

София усмехнулась и, подойдя ближе, обняла сначала Анну, потом Альберта.

* * *

Она паковала вещи в своей комнате. Фальшивый паспорт и три телефона оставила лежать в сумочке. Три трубки, три номера. Один – обычный, на имя Софии Бринкман, открытый для всех. Второй знали только несколько человек, в первую очередь Лежек и Арон. Третья трубка была проще других, с обычными кнопками, маленьким дисплеем, без усовершенствований. София получила ее от Йенса. На этот телефон не поступало звонков уже полгода, но она брала его с собой, куда бы ни отправлялась, и он просто тихо лежал в сумке, не выполняя никаких функций, кроме как давал своего рода надежду, что когда-нибудь издаст звук. Время от времени София смотрела на него.

Йенс оставил ее не попрощавшись: просто ушел и прислал формальное сообщение. Дни превратились в недели, а недели – в месяцы. Ей хотелось думать, что он трус, что он предал ее, но она так не думала. Она лишь мечтала, что этот чертов гребаный телефон наконец зазвонит...

София приняла душ, переделалась в серые спортивные брюки и голубую футболку и вышла на кухню. В буфете ее взгляд охватил изобилие домашнего черносмородинового концентрированного сока, который никогда не кончался. Она налила немного на дно большого стакана, добавила лед из машины для льда, установленной в дверце холодильника, и залила водой.

Из гостиной слышался смех Альберта и Анны.

София готовилась к тому, что должно произойти. В данном случае в ближайшие полчаса. Они будут ужинать все вместе, она, Альберт и Анна. Альберт будет слушать, как его мать умело врет в разговоре с его девушкой. Он знал, что София не была в Лондоне, как утверждала.

За кухонным столом она делала основу для пирога – раскатывала песочное тесто на огнеупорном противне и прижимала его к краям. В детстве Альберт любил яблочный пирог. Теперь он больше не казался таким вкусным. Но София крепко держалась за него, будто для того, чтобы чувствовать себя настоящей мамой.

Провинция Малага

Бритва привычно и ловко скользила по белой мыльной пене на щеке Гектора Гусмана, затем между носом и верхней губой. Действо совершалось под аккомпанемент шипящего звука аппарата искусственной вентиляции легких, низкого монотонного пищания пульсометра, синусоиды, вычерчиваемой ЭКГ, и капель, медленно текущих по резиновому шлангу к игле, закрепленной в его правой руке.

Раймунда закончила бритье, вытерла его лицо сначала теплой и влажной салфеткой, после сухим полотенцем. Затем смазала его щеки и шею увлажняющим кремом.

В глубине комнаты на диване сидела Соня и читала книгу, у ее ног лежал пес Пино. У большого стола из махагонового дерева стоял, склонившись над ним, Арон.

Тут царило спокойствие. Они ждали. Ждали уже полгода.

По всему столу были расклеены листы и фотографии с личными пометками Арона. Он любил так работать. Все вертелось вокруг их бизнеса, партнеров, врагов, цен, расходов, прибыли. Сейчас шла война. Арон походил на офицера в бункере, который пытался разработать стратегию и придерживаться ее, который пытался просчитать ходы противника и повести свои войска в нужном направлении. Но эта война отличалась от других. Здесь не было заранее определенного поля боя и перемещений войск – только постоянные прятки, ложь и сделки.

Он платил людям, которые вынюхивали, разыскивали и отчитывались. Прежде всего искали Ральфа Ханке и предателя Карлоса Фуэнтеса... чертов ублюдок. Все скрывались – с обеих сторон знали, что если проявятся, им придется несладко. После стрельбы в Марбелье наступило затишье. Радар ничего не фиксировал. Потом вдруг сигнал. Слабое эхо кого-то или чего-то. Почти незаметное. Они проверяли и чаще всего ничего не находили.

Над столом был установлен кислотный душ в виде трех соединенных между собой леек. В случае если кто-то придет, или если они окажутся под угрозой разоблачения, Арону нужно лишь отойти на три метра назад, потянуть за маленькую цепочку – и легкое облако кислотных кристаллов уничтожит все.

Наклонившись над столом и опираясь на него обеими руками, Арон изучал свой двухмерный мир. Он любил так стоять. Рисовал схемы, планировал, старался понять.

Дон Игнасио. Давний партнер по бизнесу. Партнер-шантажист. Истеричный, авторитарный, психически нездоровый.

Почему он сдался?

Арон обратился к Соне.

– Почему он сдался? – спросил он.

Соня не ответила. Она привыкла, что он задавал вопросы, не ожидая ответа.

– Соня?

Она подняла глаза от книги.

– Что?

– Как он?

– Кто?

– Игнасио.

– Ты же сам встречался с ним.

– С женщинами?

– Что ты имеешь в виду? – спросила она, перевернув книгу обложкой вверх и отложив ее в сторону.

– Как он с женщинами?

Соня не улавливала мысль.

– Мужчины же по-разному ведут себя с женщинами, – продолжал Арон. – Кто-то флиртует, кто-то делает что-то другое... Некоторые вообще не интересуются.

– У тебя ограниченный анализ взаимоотношений, – улыбнувшись, сказала Соня.

Он дал знак, что у него мало времени.

Соня подумала немного.

– Игнасио Рамирес, и именно в таких категориях?

– Да.

– Вообще не интересуется, – ответила Соня.

– В смысле?

– Женщины его не волнуют. Они его не заводят, у некоторых мужчин это так – хочешь верь, хочешь нет.

И она снова взяла книгу.

Слова Сони застряли где-то в голове у Арона. *Вообще не интересуется.* Но Гектор интересовался – во всяком случае, что касалось Софии Бринкман, – и очень сильно, все время. Гектор влюбился в нее и забыл об осторожности.

Что она сказала? Что случилось у дона Игнасио, раз колумбийцы так спокойно и смиренно ничего не потребовали? Потому что в других случаях они всегда требовали, это было в их природе. А раз очаровать дона Игнасио невозможно, то с какой стати он отпустил ее домой, гарантировав, что все будет как обычно? Арон же не за этим отправил ее туда, он даже в своих самых сумасшедших фантазиях не мог вообразить, что дело завершится так хорошо. Он послал туда Софию, чтобы показать дону Игнасио и Альфонсо свое соответствие их запросам. Рассчитывал на то, что домой София вернется как мокрая тряпка, замученная и расстроенная, и расскажет о куче сумасшедших и невыполнимых условий для дальнейшего сотрудничества. Именно так работал Игнасио Рамирес. Так он занимался бизнесом. Всегда и без исключений. Но, очевидно, не в этот раз. *Почему?*

Мысли мешались, четкой структуры не складывалось.

Снова стол. На нем – хаос вселенной Арона. Он застыл в напряжении, стараясь прислушаться к себе.

И вдруг из ниоткуда в сознание проникла другая мысль. Она была четче и понятнее. Проще и яснее для осознания. *София...*

Ход мыслей прервал писк прибора у кровати Гектора.

Раймунда вскочила со стула и поспешила к прибору. Арон смотрел на нее, не мигая. Соня тоже не спускала с нее глаз.

Раймунда стала читать показания прибора.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Арон.

Она не ответила, приподняла веки Гектора.

– Раймунда! – строго окликнул Арон.

Она обернулась.

– Я не знаю. Возможно, это знак, – сказала она.

– Знак чего?

– Что, может быть, он с нами.

Лица мальчиков, сидевших на диване по обе стороны от мамы, были печальны. Мамино лицо – тоже, но, казалось, слезы у нее кончились.

София сидела прямо напротив, на самом краю кресла. Она смотрела на старшего сына Эдуардо и Ангелы, семилетнего Андреса. Мальчик дергал заусенцы. Младший, Фабьен, сидел, съежившись, поближе к маме; он не хотел смотреть на Софию или вообще на что-то в этом новом странном мире.

Они сидели в гостиной на вилле у Дафне и Тъери, которая находилась в пригороде к югу от Стокгольма. В углу на стуле одиноко сидел Хасани. Он был спокоен и расслаблен, глядя немного вниз, как будто это был его способ всегда сохранять остроту восприятия. *Когда человек не смотрит ни на что, он видит все.*

Дафне вошла с подносом, на котором стояли кувшин с соком и стаканы. Она поставила поднос на журнальный столик и дала сок сначала мальчикам, потом Ангеле и в последнюю очередь Софии.

– У вас есть все необходимое? – спросила та.

Ангела натянуто улыбнулась.

– Мы живем в подвале, Дафне и Тъери дают нам все, что нужно.

София наблюдала за потрясенной семьей, за мальчиками, которые были в какой-то мере опустошены и одиноки в своем горе.

София взглянула на Дафне – та, все поняв, подошла к мальчикам и заговорила с ними на французском.

– Пойдемте, я покажу вам мастерскую, у Тъери там много интересных вещей.

Андрес посмотрел на мать, которая сделала одобрительный жест, взял Фабьена за руку, и они встали с дивана. Хасани поднялся со стула и пошел следом за мальчиками и Дафне в гараж.

Улыбка Ангелы испарилась. Она была бледна и испугана, как будто такое выражение лица стало для нее естественным. Женщина не могла ничего контролировать, мир стал совершенно враждебен. В ее глазах читался страх.

– Гектор жив? – спросила она.

– Да.

– Где он?

– Не знаю, – ответила София.

Ее ложь не играла особой роли.

– Это он виноват, – сказала Ангела.

София молчала.

– Если б не Гектор, Эдуардо был бы жив. Мы выбрали Францию и Биарриц, чтобы убежать от всего этого. – Ангела боролась с эмоциями, что-то сверкнуло в ее глазах. – Я чуть ли не облегчение испытала, когда узнала, что Адальберто мертв. Нет, я такого никому не пожелаю, он же был отцом Эдуардо, моим свекром, но его смерть снизила для нас риск. Понимаете?

Ангела выглядела виноватой.

– Да, понимаю, – ответила София.

Из мастерской послышался смех Дафне и кого-то из мальчиков.

– Кто это сделал? Кто убил Эдуардо?

– Я не знаю, – снова солгала София.

В замке входной двери – скрежет ключей, звук открывающейся и закрывающейся двери. В гостиной появился Тьери. С неизменной радостью на лице. Он принес еду, по два мешка в каждой руке.

– Привет, – сказал он. – А где Дафне и мальчики?

– В гараже, – подсказала София.

Тьери внимательно посмотрел на женщин, вероятно почувствовав тяжелую атмосферу.

– Пойдемте, поможете мне приготовить еду, – позвал он.

* * *

Они стояли на кухне – Ангела, София и Тьери. Нужно было приготовить много еды, все вегетарианское. Тьери давал инструкции. В разгар нарезки и шинкования вошла Дафне с мальчиками, за ними хвостом – Хасани. Мальчики повеселели: они вместе сели за стол, им дали напитки, мелки и бумагу. Хасани поровну поделил мелки между ними. Дафне поцеловала Тьери в щеку, немного помогла с готовкой, но бóльшую часть времени просто стояла с ним рядом и болтала. Они всегда так общались. София украдкой наблюдала за ними. Они вели себя как влюбленные, что бы это ни значило, – во всяком случае, создавалось такое впечатление.

Ужин накрыли на кухонном столе. Над ним царил тишина. Она не была гнетущей, никто не нуждался в беседе. Все сидели вместе. Хасани ковырялся в овощах; мальчики заметили его отвращение. Когда он осторожно спросил, нет ли случайно мяса, обстановка разрядилась парой усмешек. Ангела встала и занялась мясом для Хасани. Завязалась тихая, робкая беседа, и вскоре все за столом заговорили друг с другом – все, кроме Софии. Она не вступала в разговор, избегая сближения. Но общее настроение повлияло на нее. Она не могла не замечать неожиданной радости мальчиков, улыбки Ангелы, тепла дома Дафне и Тьери или Хасани – любителя мяса. Все они были просто людьми, нуждавшимися в этот момент не в чем ином, как в человеческом общении.

Но София знала то, чего не знали другие: она знала, кто убил отца мальчиков. Еще она знала, что не может сказать это, потому что последствия будут непредсказуемы. Она все время ощущала напор Арона, его готовность идти на риск, склонность к насилию.

Андрес с Фабьеном теперь смеялись так, что давились едой, которая чуть ли не вываливалась у них изо рта.

София не улыбалась – в голове у нее постепенно формировалась идея. Сама по себе она была совершенно нереалистична. Но все существо Софии кричало, что, если она не сделает все возможное для того, чтобы люди, сидящие сейчас за столом, могли заниматься своими делами, ей лучше бросить все остальное.

Она продолжала есть, пытаясь абстрагироваться от мыслей. Но ничего не получалось. Идея была слишком сильной, у нее появились более четкие контуры, у нее появилось лицо.

Ральф Ханке.

Лотар Тидеманн мыл овощи под краном. Его мама Франка работала за кухонным столом. Там она сидела чаще всего – считала и сортировала. Он гордился ее умом и талантом.

Лотар выключил воду и начал резать овощи для салата. Окно во двор было открыто. Внизу дети играли в футбол, соседка выбивала ковер, а в отдалении на детской площадке непрерывно гудел мопед.

Лотар и Франка много времени проводили вместе. Прежде всего потому, что им это нравилось, но еще и потому, что у него не было ни братьев с сестрами, ни отца. Ее лицо вечно сияло радостью и благодарностью за что-то неведомое для семнадцатилетнего Лотара. Они жили просто, в южном пригороде Берлина. Франка работала бухгалтером и следила за тем, чтобы сын ни в чем не нуждался, даже если ей приходилось ограничивать себя и денег не хватало. Но она все время улыбалась, будто наслаждалась течением жизни. Светлые волосы подчеркивали ее естественную красоту. Мужчины время от времени обращали на нее внимание, но ее это не трогало. Может быть, она считала, что у нее уже есть все, что можно желать, и новый мужчина в ее планы не входил.

Франка что-то сказала, и он понял по тону, что это была шутка. Она часто шутила. Лотар как раз собирался повернуться к ней, как вдруг на кухне появился мужчина. Невысокий, в темной одежде, с бритой головой. Он был бледен, с маленькими, близко посаженными глазами.

– Лотар? – спросил мужчина.

Тот растерянно взглянул на мать, потом на мужчину и кивнул по привычке, как делал, когда слышал свое имя.

Франка с ручкой в руке хотела что-то сказать, но было слишком поздно. Мужчина поднял руку с пистолетом с глушителем и сделал выстрел. Оружие дернулось, и Франка Тидеманн получила дыру во лбу.

Лотар растерялся. Вдруг оказалось, что голова его мертвой матери лежит на столе среди бумаг, чеков и журналов водителя. На стене за ней кровь, руки безжизненно свисают вниз.

Он бросился на мужчину. Тот двинулся в его сторону, повторяя движение мальчика, схватил его за шею, опустил на пол, прижав собственным весом, и грубо зажал рот и нос Лотара тряпкой. Вещество подействовало быстро. Лотар ослаб и потерял сознание.

Мужчина сел на стул рядом с убитой Франкой и начал терпеливо ждать. Его звали Коен де Грааф, и ему было двадцать девять лет. Маленький рост и сдавленное лицо явились следствием регулярного употребления алкоголя и героина его матерью во время беременности. Бледность передалась по наследству.

Коен смотрел на лежащего на полу Лотара. Сначала он даже сомневался в существовании мальчика. Все началось со слухов. Ральф Ханке прочесал полмира, пытаясь обнаружить хоть что-то, что могло подтвердить, жив или нет Гектор Гусман. Коен был его ближайшим помощником в этом предприятии. А два месяца назад один из их шпионов сообщил, что нашел свидетельства о существовании возможного внебрачного ребенка Гектора. Слишком хорошая новость, чтобы быть правдой.

Сын Гектора Гусмана...

В квартиру вошли двое, неся по большому деревянному ящику. Они убрали кухню, положили мертвую Франку в один ящик, а Лотара – в другой.

Напоследок Коен осмотрел квартиру. Потом они спустили ящики по лестнице к ожидавшему их микроавтобусу.

* * *

Несколько часов спустя после езды по автобану они свернули на пустынную площадку для отдыха. Двое мужчин вытащили ящик с телом Франки Тидеманн, взяли лопаты и пошли в глубь темного леса. Коен отправился в общественный туалет.

Он сел на крышку унитаза. Воняло калом и мочой, на потолке блекло светила лампа. Резиновый жгут вокруг предплечья, шприц подготовлен заранее. Коен нашел вену, вставил иглу и втянул немного крови. Вуаля – и из крови с героином получилась красивая светло-алая смесь. Потом всю эту красоту – в организм. Коен посчитал от двадцати до одного, перед тем как снять жгут. Шприц упал на пол. Когда он дошел до четырех, героин уже неслабо зашел. Коен вышел и направился к микроавтобусу, забрался на водительское место и откинулся на спинку.

Мужчины вернулись, и они уехали.

Огни встречных машин играли беззвучную симфонию, Коен парил над автобаном, направляясь на юг; по его венам текла чудесная музыка.

Стоявшее в зените солнце жарило нестерпимо. Он неподвижно лежал на спине, высоко в раскаленном небе парили ястребы. При дыхании в горле возникал свистящий звук, кожу больно стягивало и жгло солнце.

Йенс повернул голову и увидел бесконечную картину плотного песка, камней, дальнюю гору с мягкими очертаниями на фоне ясного голубого неба. С большим трудом он поднял голову... Повсюду каменистое поле.

Они оставили его здесь – кем бы они ни были – умирать посреди пустыни. Они даже пулю на него пожалели. А он этого хотел? Пулю в голову вместо нынешнего положения? Нет, никогда в жизни. Но вот это все было невыносимо.

Йенс попытался встать, но ничего не вышло, как будто его засасывал зыбучий песок. Он сдался и снова положил голову на раскаленную землю. Температура тела росла. Он закрыл глаза – и провалился в лихорадочные сны, галлюцинации. Потом очнулся и трезвее оценил ситуацию... В этот раз ему крепко досталось.

Возникший страх смерти был жесток и беспощаден. Теперь Йенс мечтал о пуле. Он мучился от того, что лежал здесь, не желая умирать во мраке, лишившись чувств и ощущений. Йенс искал свет, молил о нем. И он пришел, в маленьких дозах, в форме картин и ароматов. Мама с папой, семья, детство. Обрывки, то, что наверняка много значило... аромат английского чая, сон на свежесглаженной простыне, запах только что скошенной травы... И в середине всего этого теплого возникло лицо Софии Бринкман... Она была близко, он хотел дотронуться до нее... почувствовать ее. Но София исчезла, а вместе с ней все остальное... Остался только Йенс. *Один...*

Парадокс. Йенс упорно работал, чтобы самому себя обеспечивать, быть независимым от других... Но он не хотел быть независимым, не хотел быть одиноким. Не сейчас.

Наступила ночь, принесся колючий холод. Он впивался в его тело. Йенс замерзнет насмерть, если останется лежать здесь.

Огромным усилием он смог встать и с трудом побрел по пустынной местности. Ночное небо было ясным, над головой Йенса светился Млечный путь. Йенс следовал за ним, дрожал, обхватывал себя руками – и знал, что умрет.

Антония почувствовала, что улыбается. Но улыбалась она не от радости – таков был механизм эмоциональной защиты, который указывал на разочарование.

– Я не понимаю. Это плохая идея...

Томми качался на офисном стуле, скрестив руки на груди.

– Ну, по-другому никак, – сказал он.

– Почему?

– Потому что мы иногда так делаем – перераспределяем работу, меняем обязанности. – Он перестал качаться на стуле. – У тебя четыре расследования убийств, Антония. Слишком много, даже для тебя. Я сниму тебя с одного из них. Ничего странного в этом нет.

– Почему «Трастен», почему не последнее – Блумберг? Или одно из старых?

– Потому что ты можешь повлиять на ход дела Блумберга. Оно может быть закрыто. А нам нужно, чтобы оно было закрыто.

– Дело «Трастена» тоже может быть закрыто.

Томми привычно тербил усы.

– Не в этой жизни.

– Почему ты так говоришь, Томми?

– Потому что я так считаю.

Она не успела ничего ответить.

– Я должен посмотреть статистику. А статистика по делу «Трастена» удручает. Расследование не продвигается. Чем больше проходит времени, тем сильнее оно буксует.

– Я так не думаю, – сказала Антония.

Томми молчал.

Она была слишком навязчива и слишком тороплива. Антония знала это и пыталась подавить свое рвение.

– Кто возьмет дело?

Томми положил руки на стол. Первый признак того, что разговор подходит к концу.

– Майлз Ингмарссон, – ответил он.

Да, вот как его звали, вспомнила Антония. Интроверта из Отдела экономических преступлений.

– Почему он?

Томми что-то искал на столе.

– Почему ты, почему я, почему кто-то еще... Речь не о человеке.

– А о чем тогда?

– О том, кто свободен в данный момент.

– Есть сотни других, сотни тех, кто лучше его.

Томми продолжал притворяться, что ищет что-то в бумагах.

– Все заняты.

– Я свободна.

– Замечательно, – сказал он неприветливо, собираясь встать.

Антония не сдавалась:

– Еще только один вопрос.

Томми выжидал.

– Ингмарссон. Он хороший следователь или просто кто-то должен расследовать «Трастен», хоть вы и не думаете, что это приведет к успеху?

Ему понадобилось время, чтобы вдуматься в ее вопрос.

– Я такого не говорил.

– Нет, говорил.

Она заметила, что Томми растерян.

– Знаешь что, Антония, перестань все время ныть, – заговорил он директорским тоном. – Это тебе не гребаный профсоюз, где мы должны достичь компромисса... Тут решения принимаю я, и только я, я твой шеф. Мы занимаемся расследованиями убийств. Либо делай, как я скажу, либо меняй работу, дело твое.

Антония притихла.

Томми вытер губы.

– Вот и выходные.

Фальшивая улыбка, вздох, и Томми поднялся.

Антония крутилась на своем офисном стуле и бессознательно кусала ноготь. Вокруг нее кружились осколки несправедливости, обид и горечи. Томми – полный придурок. Она ненавидела подчиняться, особенно когда все было в корне неверно... и направлено против нее. Ей хотелось разбить что-нибудь. Но вместо этого Антония дождалась, пока все коллеги уйдут домой. Просто она еще не закончила с «Трастеном».

Когда отдел опустел, Антония выложила на стол две папки дела об убийстве в ресторане «Трастен». В них было множество бумаг, документов, фотографий. Она вытащила их, подправила стопки ладонями, чтобы бумаги лежали ровно. Потом подошла к копировальной машине и включила большой белый прямоугольник, который начал издавать странные звуки; вентилятор завертелся, детали внутри затрещали, пытаясь занять правильное положение. Она терпеливо ждала, пока аппарат успокоится, а лампочки на панели управления станут гореть не мигая. Затем сделала копии материалов дела. Машина ела документы и так же быстро их выплевывала.

План ресторана «Трастен», отчеты, медицинские заключения, баллистические экспертизы. Дальше – фотографии убитых русских в ресторане и паспортные фотографии Гектора Гусмана и Арона Гейслера. Информация о Лейфе Рюдбеке, местном преступнике-рецидивисте, замороженные части тела которого нашли на кухне ресторана (основная их масса уже успела пройти через мясорубку).

Аппарат извергал всё новые документы. Свидетельства, которые ни о чем не свидетельствовали, поскольку никто ничего не видел. Следы пуль от найденного оружия, отпечатки пальцев неустановленных людей, анализы ДНК, которые ни с кем не совпали.

Затем короткий отчет короткого допроса, который она сама проводила с медсестрой, видевшей Гектора в больнице, – Софией Бринкман. Ей нечего было рассказать. Сын прикован к инвалидному креслу, вдова, неразговорчива.

Из аппарата выпали более детальные отчеты, все теоретические, без реальных обоснований. Таким было все расследование. Антония изучила материалы и интерпретировала их, пытаясь читать между строк и безнадежно стараясь найти то, что не написано.

Страницы монотонно покидали аппарат. Это имело гипнотическое действие. Антонии казалось, что она слышит отдаленный гул. Крик с другой стороны. Голоса, которые хотели

быть услышанными и обрести покой.

Аппарат завершил копирование; теперь он просто тяжело дышал, пока вентилятор не затих и все признаки жизни не пропали.

Антония подняла стопки, убрала оригинал в папки, положила копии в пакет, который засунула в сумку, и покинула участок.

* * *

Сейчас было немилосердно тяжелое время. Настолько тяжелое и невыносимое, что он не мог просто абстрагироваться от него. А если и пытался, то ему казалось, что он вот-вот задохнется. Поэтому единственным выходом было бегство от времени. Бежать от него – значит, постоянно чем-то заниматься, быть в движении.

Томми Янссон сидел с выключенным двигателем в автомобиле, припаркованном на дороге около его дома. В машине был теплый сухой и полный проблем воздух.

Раньше Томми водил «Бьюик Скайларк» – тюнингованный американский монстр. Теперь он сидел в гранитного цвета служебной машине с буквами «HEJ»^[9] на номере. *Привет?* Томми ненавидел эту машину. Смотреть, как дети в других автомобилях машут и, прочитав надпись, здороваются с ним. Не меньше его раздражало и то, что он не мог принять вызов, пошутить в ответ.

Томми не моргая смотрел прямо перед собой. Мимо прошла встревоженная мамаша, успокаивая плачущего в коляске ребенка.

Потребность в отцовстве Томми в себе подавил. Проблемой оставалось настроение: он устал злиться. Мамаша скрылась из виду, Томми закрыл глаза, потер переносицу, снова открыл их. Как будто желая подразнить его, Бог прямо перед служебным автомобилем посреди улицы поставил фазана. Неуверенного, трусливого самца, глупого на всю свою маленькую недоразвитую птичью голову. Он нервно и хаотично перебирал лапками по грязному асфальту, как будто нетерпеливо ждал, когда его задавят.

* * *

Прихожая с тисненными обоями. Томми снял кожаную куртку и повесил ее на крючок, несмотря на то что Моника все время напоминала ему о вешалке. Затем пошел в туалет.

Висящий живот стал больше, из-за чего Томми теперь не видел *его*, когда справлял нужду. *Юный господин Янссон*, всегда называл он *его*, или *Искушение Янссона*, когда они с Моникой еще могли шутить. Они и вправду шутили – бóльшую часть жизни; смех служил связующим материалом между ними. Юмор, наполненный любовью, теплом и легкостью, был кулисами, за которыми скрывалось молчаливое убеждение обоих в том, что жизнь трудна и даже опасна. Но кулисы рухнули, когда Монике поставили диагноз. Шутки и тепло исчезли; остались только растерянность, грусть и большая порция горечи.

Моника сидела на кухне. Томми ненавидел этот театр под названием «Я сильная и веселая». Он не мог принять ни эту игру, ни саму болезнь.

Моника разгадывала кроссворды, пила кофе и пыталась делать обычные вещи. Но ее правая рука уже не слушалась, речь стала медленнее, и ходить она могла только на костылях,

отказываясь от роллатора^[10], которая предлагала ей социальная служба. Но теперь это стало вопросом времени.

– Привет, Томми.

Она медленно и с трудом выговаривала слова. Она улыбнулась, но только половиной рта. Удар в сердце – он любил ее.

Томми налил себе кофе и сел за кухонный стол. Он говорил ни о чем, пил, без особого успеха помогал Монике отгадывать кроссворд. Потом она произнесла его имя мягко и как будто с мольбой. *Томми*. Попытка проявить любовь и при этом привлечь его внимание. *Милый Томми, послушай*.

И он знал, к чему она клонит. К практическим вопросам, о которых он должен знать к моменту ее смерти. О том, как действовать в разных ситуациях – например, покупка продуктов, бюджет на одежду для девочек, их менструальные циклы, контакты с учителями в школе... Список был длинным. Томми не хотел думать об этом. Он встал.

– Куда ты? – Она жалостливо смотрела на него.

Он не ответил и, как всегда, сбежал в подвал. Лестница туда вела темная и узкая, как и его чувства сейчас.

Томми сел за небольшой письменный стол в мастерской, откопал в ящике прозрачную бутылку и отпил несколько глотков. Ядреный вкус джина. Он положил бутылку обратно и из этого же ящика достал папку.

В ней лежали выписки со счетов в странах с диктаторскими режимами. Два – в Западной Африке, один – на Ближнем Востоке. Чертовски дешево, но при этом надежно и без налогов. Суммы были невероятно огромными.

Полгода назад в квартире в районе Сёдер^[11] оказались Томми и двое его коллег – Гунилла Страндберг и Ларс Винге. Томми застрелил обоих. Винге не доставил особых проблем – парень был жалким, полным неудачником. Выстрел в висок, замаскированный под *самоубийство*, представлялся почти одолжением. С Гуниллой дела обстояли хуже. Друг, коллега, напарник. Именно ей принадлежали деньги, которые теперь ослепляли его в виде выписок. Он был вынужден убить, они никогда не могли поделить добычу. Он знал ее, он знал себя. Прелесть новизны редко когда сохраняется надолго.

Им управляли не суммы, а в первую очередь страх, собственный болезненный страх. Томми это понял со временем. Страх того, что Моника исчезнет. Что он, черт возьми, будет делать без нее? Кто позаботится о нем в старости? А девчонки – кто проследит, чтобы они не вышли замуж за идиотов? Еда? Кто, блин, будет готовить? А покупать ему одежду? Кто будет гостеприимным, когда придут гости? С кем он будет разговаривать после работы, чтобы не замолчать навсегда? Моника, его спасательный круг при любых трудностях...

Поэтому, когда в его жизни появились деньги, Томми решил воспользоваться шансом. Он совершил убийства, смог перевести деньги и сразу же приступил к своей миссии. Связался с исследователями и врачами-специалистами из США, Франции, Японии и отовсюду, где изучали БАС. Везде одно и то же – лекарства не существует. Но финансовая помощь в любом случае ускорила бы возможное открытие замедляющего течение болезни лекарства или в лучшем случае лекарства, которое могло победить болезнь. Томми взял все на себя и начал тяжелую работу по снятию миллионов со счетов и анонимной отправке их врачам по всему миру. Большой кусок пирога достался шведской организации, занимавшейся исследованием заболевания. Он инкогнито звонил им раз в неделю и спрашивал об успехах, на что неизменно получал отрицательный ответ. Томми ругался с ними, интересовался, чем

они, черт побери, занимаются, призывал поторопиться, ведь у него на кухне умирает жена...

Его работа заключалась лишь в том, чтобы бегать и залатывать всевозможные дыры, которые могли связать его с убийством Гуниллы Страндберг и Ларса Винге.

Томми наклонился, снова посмотрел на сумму в выписках. Не так уж много осталось. Полмиллиона наличными, закопанные в саду за навесом, там, куда никогда не проникает солнце. Полтора миллиона в Африке, чуть больше миллиона на Ближнем Востоке. К тому же в банках стран-диктатур существовал обратный процент. Они брали плату за то, что прятали деньги. В основе процента лежал некий индекс диктатур. Чем меньше диктатур в мире, тем выше обратный процент, как-то так. А проценты капали. Скоро деньги закончатся...

Небольшая тяжесть в груди. Томми начал прерывисто дышать, закрыв глаза руками и не убирая ладони, держа их как ширму. Так возникла темнота. Он дышал; темнота была всепоглощающей, совершенно беспросветной. Куда направляется Моника?

Стук сверху. Стук костыля Моника там, наверху. Ей нужна помощь с туалетом.

Словно голова на ножках из детского рисунка. Женские ягодицы перед ним на уровне глаз. Стринги едва просматриваются. Держась за шест правой рукой, она наклонилась вперед. Их взгляды встретились – перевернутая картинка. Ингмарссон отвел глаза.

В помещении на максимально возможном расстоянии друг от друга сидели только он и еще трое мужчин. Майлз узнал их всех, но узнавание здесь не поощрялось – в приоритете была полная анонимность.

Девушку у отполированного шеста звали Санна. Новенькая, тридцать с чем-то, старше других, особенная. В чем отличие, он не понимал; может быть, движения или энергетика? Или длинные ноги? Нет, что-то другое, что-то неуловимое... Она не вписывалась по типуажу, ее не должно здесь быть.

Женщина вывела его из равновесия, другие стриптизерши не производили на него такого эффекта. Но эта...

Майлз разглядывал Санну, ее короткие светлые волосы, красные губы, кожу молочного цвета... За всем этим жила радость, мир для Санны олицетворял собой свет...

В пиджаке завибрировал мобильный, Ингмарссон судорожно ответил.

– Да?

– *Здорово, Ингмарссон.*

Снова Томми. Он точно знал, когда лучше не звонить.

– Здорово, Томми.

– *Как дела?*

– Ничего.

– *Что значит «ничего»?*

– Понятия не имею.

Томми закашлял прямо в ухо Майлзу.

– *Что ты делаешь?* – спросил он.

– Обедаю.

– *Где?*

Связь то и дело прерывалась. «Наверное, Томми использует гарнитуру в машине», – думал Майлз.

– В городе.

– *Нравится?*

– Что?

– *Обед. Еда вкусная?*

– Да, вполне.

Громкий гудок. По-видимому, какая-то из проезжавших рядом машин.

– *Что ты ешь?*

– Что я ем?

– *Да, что ты ешь?*

Майлз рассмеялся.

– Странные ты вопросы задаешь, Томми!

– *Ведь нет ничего странного в вопросе о том, что ты ешь. Что в этом странного?*

Санна сидела на корточках, широко расставив колени, и сосала большой палец – туда, сюда, туда, сюда.

– Да нет, ничего.

– *Так что?*

– Пасту, – соврал Майлз.

– *Паста... Это вкусно, Ингмарссон.*

– Ага.

– *Можно все, что угодно, говорить об итальянцах, но в приготовлении еды... Какого хр...*

Майлз услышал протяжный гудок на другом конце и потом голос Томми, ругавшегося себе под нос. Затем тот вернулся к разговору:

– *Ингмарссон, ты здесь?*

– Да, да.

– *Почему люди так делают? Вот так ездят, меняют полосу, не включая поворотник?*

– Не знаю.

– *Если б я работал в дорожной полиции, то перестрелял бы всех.*

– Понятно.

– *Я серьезно.*

– Хорошо, хорошо, Томми.

Майлз ждал, когда прояснится цель звонка.

Томми откашлялся.

– *А ля стриптиз?*

– Что, извини?

– *Никаких извини. У тебя в меню паста «а-ля стриптиз»?*

Это было так же унижительно, как удар между ног. Ингмарссон потер под носом.

– Можно и так сказать, – пробормотал он.

– *Думаешь, меня это колыхает?*

– Нет, не думаю.

– *Верно. А других, может, и да.*

Санна на спине, качает бедрами вверх-вниз, черные лаковые сапоги блестят.

– *Так что не светись, Ингмарссон.*

– Я так и делаю.

– *Нет, не делаешь.*

Майлз не понимал, о чем он.

Санна приподнимает ягодицы, трусики съезжают вниз.

– *Забей на это.*

– Забить на что?

– *На все. Забей на расследование.*

Трусики вертятся вокруг ее указательного пальца, неспешно и красиво. Потом она отпускает их. Кружась, они улетают в темноту. Майлз провожает их глазами. В голове у него звучит шум лопастей винта из какого-то старого военного фильма: шух, шух, шух.

– Чего?

– *Просто сиди и притворяйся, что работаешь. Не напрягайся.*

– Почему это?

– *Потому что я так сказал. Гунилла и Эрик Страндберг напортачили с делом. Если ты*

добьешься успехов, их память будет запятнана, вот как-то так. Я не хочу этого. Они были моими добрыми приятелями, хорошими полицейскими.

Санна сидит на корточках в середине сцены, ноги широко разведены, демонстрирует Ингмарссону все самое интересное.

– Копы покрывают копов, верно?

Томми Янссон закашлялся. Кашель никак не отпускал. Когда Томми снова заговорил, в его голосе появилась хрипота.

– Да и вообще, кого, блин, это все парит, Ингмарссон? Трое мертвых русских бандитов...

Новый приступ удушливого кашля у Томми. Ему стало легче.

– ...и испанский недомафиози, который сбежал из страны или вообще горит в аду. Чего нам еще надо? По мне, граждане в безопасности, и дело давным-давно закрыто, оно закрылось само по себе. Понимаешь?

Нет, Майлз не понимал.

– О чем ты говоришь, Томми?

– Разыграй спектакль. Придумай что-нибудь, мне плевать что. Но подумай о том, что ты полицейский, Ингмарссон. Полицейский, который каждый день торчит в порноклубе. Как, твою мать, это выглядит, по-твоему?

Ингмарссон не отвечал, зажав переносицу большим и указательным пальцами и закрыв глаза.

– Особенно когда все придурки в этой стране стали феминистами. Тебя сожрут. А если нет...

Томми сделал художественную паузу.

– Если нет, то что? – спросил Майлз, по-прежнему не открывая глаза.

– Мы – копы, Ингмарссон. Я прикрою тебя, ты не будешь высываться. Мы поможем друг другу, старый добрый кодекс чести копов, о'кей?

Майлз молчал.

– Отлично, Ингмарссон, так держать, – сказал Томми и нажал отбой.

Майлз открыл глаза и просто сидел с телефоном в руке, чувствуя себя униженным. *Кодекс чести копов, какого хрена?* Ингмарссон сунул телефон в карман пиджака. Не таким он помнил Томми Янссона. Однако люди меняются. Майлз знал, что Томми был приятелем Гуниллы и Эрика Сандбергов, их близким другом. Но наверняка Томми руководствовался какими-то своими мотивами, и он выразался предельно ясно, когда предлагал ему работу. Майлз сразу понял, тут что-то нечисто, а иначе как бы ему дали дело об убийстве? Есть же миллион копов лучше его, которые жаждали вести это расследование.

Ну-ну...

Выбор прост. Он понял, что может с одинаковым успехом просиживать задницу в Управлении и пить плохой кофе – и просиживать ее же в отделе и слушать, как коллеги, привирая и приукрашивая, рассказывают о временах, которых не существовало в природе.

Может, в словах Томми что-то есть. Копы прикрывают копов. А Ингмарссон не собирался завязывать со стрип-клубом, с Санной, без вариантов...

Санна? Майлз вышел из задумчивости и обнаружил, что остался один в помещении. Парни ушли, шоу закончилось. Он посмотрел на сцену, и яркий свет прожектора ослепил его. Майлз прищурился и прикрыл глаза ладонью. *Санна...*

Она стояла в центре сцены, положив левую руку на бедро, в одних черных лакированных

сапогах на высоком каблуке, обнаженная, перед Ингмарссоном и Богом. И смотрела Майлзу прямо в глаза.

– На сегодня всё, – произнесла Санна. Она говорила на норрландском^[12] диалекте, красивом, дружелюбном и мягком.

Ингмарссон не спускал с нее глаз. Теперь он мог лучше рассмотреть Санну, линию подбородка, рот, глаза... Все было прекрасно по отдельности, удивительно в комбинации, божественно в целом.

Волшебную вечность спустя Санна чуть улыбнулась, повернулась и ушла со сцены так, что любой мужчина упал бы на колени, моля о пощаде.

* * *

Часы показывали обеденное время. Антония стояла в лифте, со свистом летящем вниз на большой скорости. Зазвонил телефон.

– Да?

– *Антония Миллер?* – услышала она мужской голос на другом конце.

– Да.

– *Моя фамилия Реутесвэрд, СЭПО*^[13].

Антония искала в кармане таблетку от боли в горле.

– *Здравствуйте, СЭПО,* – сказала она, нашла одну и сунула в рот.

– *Убийство Конни Блумберг вы расследуете?*

– Да.

Таблетка стучала о зубы, перекатываясь во рту.

– *Согласно протоколу, я хотел связаться с вами, чтобы сообщить о том, что мы много лет следили за ним.*

Двери открылись, Антония вышла из лифта.

– *Говорите.*

– *Теперь, когда он мертв, на его данных нет никакого классифицирующего штампа, поэтому, если вам потребуется какая-нибудь наша информация, будем рады помочь.*

Когда она вышла на улицу, светило солнце.

– *Почему вы собирали на него досье?*

– *На самом деле мы не должны были это делать. Но он общался с людьми, которыми мы интересовались, поэтому он автоматически оказался в зоне слежки. Информацию о нем отсортировали как не очень важную, и с тех пор она находилась у нас в системе. Старая история.*

– *Кем же он был?*

Антония шла по тротуару, вокруг царила предобеденная суэта.

– *Если честно, ничего интересного. История гласит, что в семидесятых Конни был подающим надежды футболистом в городе Норрчепинг. Обзавелся одновременно травмой колена и детьми. Начал пить и курить травку, выпал из колеи, когда понял, что не может содержать семью. Забросил идиллию и рванул в Стокгольм, вскоре связался с плохой компанией. Сидел в тюрьме за небольшие правонарушения, выходил из тюрьмы, снова садился, преступления становились серьезнее, а вместе с этим строже наказания.*

Пауза.

– *Он любил гашиш и трансовеститов,* – завершил рассказ Реутерсвэрд.

– Кто же их не любит? – сухо спросила Антония.

Он не понял ее юмора.

– *Да-да. В любом случае я отправлю вам то, что у нас есть; может, пригодится.*

– Можно спросить кое-что?

– *Да?*

– Вы всегда такие заботливые?

– *В смысле?*

– Впервые сталкиваюсь с тем, что из СЭПО звонят полицейскому и предлагают свои материалы.

Реутерсвэрд немного понизил голос:

– *Да, бывает.*

– Но?

– *Но я звоню не поэтому. Просто имело место удивительное совпадение.*

– Какое? – спросила она, устав разговаривать с ним.

– *Как-то в прошлом году, в конце лета, если я правильно помню, мне позвонил мой бывший коллега по СЭПО, Андерс Аск, с запросом об одном из участников этой банды по имени Леффе Рюдбек.*

Ее мир зашатался. *Аск... Рюдбек.*

– Та-ак?

– *Вы же нашли Рюдбека распиленным в «Трастене»?*

Она вернулась в реальность.

– Да, все так. – Антония старалась не показывать удивления.

– *Здесь, наверное, нет связи, но я просто хотел, чтобы вы знали. Вот, в общем-то, основная цель моего звонка. Забавное совпадение. Они же крутились в одной банде, так сказать...*

– Что вам сказал Андерс Аск, когда позвонил, почему он спрашивал о Рюдбеке?

– *Он не спрашивал о Рюдбеке. Его интересовал другой персонаж из этой банды, парень, за которым мы охотились несколько лет назад... Хокан Зивкович.*

* * *

Офис Хокана Зивковича находился в подвальном помещении на улице Лунтмакаргатан. Это было охранное предприятие. Антония проанализировала его структуру. Владелец – Хокан Зивкович. Сотрудники – Хокан Зивкович.оборот – чудовищно маленький.

На стенах темные деревянные панели семидесятых годов. Зеленый ковролин. Мертвый кактус, стоящий на стальном шкафу с документами. И сам Зивкович, который сидел за орехового цвета письменным столом, покрытым ламинатом, с лежавшими на нем деталями типа «собери сам» для десятилетних детей. На стене за ним – картина с Сидящим Быком^[14]. «*We will never forget you*»^[15] – гласила надпись серебристыми изогнутыми буквами. Летящий свободный бык парил по небосклону за спиной у пожилого индейского вождя.

Хокан Зивкович указал на хромированный стул с плетеным сиденьем из девяностых, предназначенный для посетителей. Антония села, задала вопрос о Кони Блумберге и стала

разглядывать сидящего перед ней мужчину. Глубоко посаженные глаза на грубом, угловатом и загорелом лице. Загар явно из солярия. Волосы с проседью. Руки на размер больше его рубашки, мышцы выпирают.

– Мы с Конни пересекались на зоне несколько раз, – ответил Хокан. – Первый раз в восемьдесят третьем. Когда мы вышли последний раз, то начали работать вместе. Я основал вот эту охранную фирму, Конни помогал мне по мелочам, а потом все не срослось, так скажем.

Хокан Зивкович должен был выглядеть сурово и жестко. Но вместо этого он производил впечатление глуповатого человека. Может, все дело в неправильном прикусе или в подозрительном взгляде коровьих глаз, пытавшихся уловить угрозу, которой не было. Или просто-напросто в запахе. От него пахло стиральным порошком, как от какого-нибудь детсадовца.

– А Леффе Рюдбек? – спросила она.

– Вы спрашиваете, что с ним?

Антония хладнокровно молчала. Хокан тоже старался вести себя так же хладнокровно, но она успела заметить его слегка блуждающий взгляд.

– Он умер полгода назад. Убит, расчленен, все знают, об этом писали в газете.

– Кем?

– Почему вы спрашиваете меня? – Теперь он говорил как ребенок, которого в чем-то обвиняют.

– А почему бы и нет, Хокан?

Зивкович не отвечал.

– Андерс Аск? – продолжила она.

Тут с Зивковичем что-то произошло, как будто он моргнул, не закрывая глаз, провел пальцем у носа и сделал вид, что задумался.

– Нет, такое имя что-то не припомню.

Актер из него был никудышный.

– Точно?

– Да.

– Мог Леффе упомянуть это имя?

Он преувеличенно пристально смотрел на нее.

– Нет, не думаю, я запомнил бы.

– Почему? Почему запомнили бы?

– Андерс Аск – необычное имя.

Она рассмеялась.

– Это Андерс – необычное имя?

Его лицо задергалось.

– Нет.

Антония выдержала паузу, чтобы помучить его неопределенностью, это сработало. Хокан был расстроен.

– Но?.. – спросила она.

– Вместе... Андерс и Аск легко запоминаются.

Антония рассмеялась.

– Забавный вы.

Он хотел в ответ улыбнуться, но не смог. Очевидно, обладал неустойчивой психикой.

– Я слышала, что Андерс Аск связывался с вами осенью.

На его лице вдруг отразился испуг, как будто вопрос резал его ножом.

– Нет, я ни о чем таком не знаю.

Антония сделала дружелюбное лицо.

– Конечно, знаете, Хокан.

– Нет, говорю же.

– Хокан, вы нервничаете?

– Почему?

Ее интонации смягчились.

– Я не желаю вам ничего плохого, мне просто нужен ответ.

Он прикусил щеку.

– Вы – коп и задаете странные вопросы. Такие вещи меня нервируют... Поэтому я так себя веду.

Его слова звучали неубедительно. Антония разглядывала Хокана. Теперь он выглядел совсем глупо. Нервозность и тщетная попытка вести себя естественно в стрессовой ситуации. Но само по себе это не играло никакой роли. Имела значение лишь его неспособность скрыть, что на самом деле он понимал, о чем она говорит.

– И вообще, все мертвы, так какого черта мы должны тут сидеть и болтать о мертвецах?

Антония выдержала паузу.

– Вы болели за индейцев? – спросила она через некоторое время.

Зивкович не понял. Она показала на Сидящего Быка.

– Конечно.

– Почему?

– Белые ведь забрали их землю! – убежденно проговорил он.

Конечно...

Они расстались, пожав друг другу руки. Рукопожатие оказалось болезненным.

Остаток дня Антония провела в своем офисе, делая вид, что работает. В пять часов проходившие мимо по унылому коридору коллеги пробормотали пожелание хороших выходных.

Антония поехала назад, на Лунтмакаргатан, и припарковалась. Около шести увидела в зеркало заднего вида, как Зивкович покидает офис. Она перешла дорогу, держа в руке похожую на ключ отмычку, и заслонила маленькую дверь своим телом. Ничего не подозревающие люди проходили мимо у нее за спиной. Четырнадцать секунд на то, чтобы вскрыть замок, войти в темный офис и осторожно закрыть за собой дверь.

Быстро привыкнув к темноте, Антония немедленно приступила к делу. Она перерыла шкаф с документами, пролиставла телефонную книгу на столе, встретила глазами с Сидящим Быком. Тот был чертовски зол и, возможно, имел на то причины.

Антония сфотографировала все страницы книги на телефон, то же сделала с вращающимся каталогом с карточками. Она узнала некоторые имена мелких воров, торговцев краденым, наркодилеров и сутенеров.

Никого, кто представлял бы интерес.

- Куда ты поедешь?
- К врачу.
- Куда?
- Каролинская больница.
- Что будешь делать?
- Маммографию.
- Сколько времени это займет?
- Не знаю.

София стояла на кухне, держа трубку у уха и отвечая на вопросы Лежека.

- Ты должна сообщить мне время.
- Вторая половина дня, пять часов.
- А до этого?
- Я дома; может, выйду за покупками.
- Позвони тогда, – произнес он и положил трубку.

София посмотрела на наручные часы. Надо было торопиться. Женщина выключила телефон и убрала его в сумку.

Когда она выходила из квартиры, сердце у нее колотилось.

Внизу ожидало такси, которое доставило ее в аэропорт Арланда.

Самолет авиакомпании SAS перенес ее в Мюнхен.

Там бежевый «Мерседес» отвез из аэропорта в центр.

Ей нельзя здесь находиться, это запретная территория, запретнее не бывает. Она два дня обдумывала план действий, чтобы установить контакт. В конце концов подняла трубку, позвонила в его офис и представилась своим именем. Секретарь сказал, что он занят. Перезвонил он ей только через два часа.

Меры безопасности, с которыми она столкнулась, когда вышла из такси на площади Мариенплатц, носили параноидальный характер. Ее передавали с рук на руки, пока не оставили перед домом в элитном квартале.

Фасад был белым, лестница тоже, ее немногочисленные ступени вели между двух каменных колонн к блестящей черной лакированной двери.

София постучала, и он собственной персоной открыл дверь.

Рукопожатие Ральфа Ханке было теплым.

В центре прихожей, на мраморном полу, на пьедестале стоял большой горшок, в нем – свежие цветы: лилии, розы, пионы, синие маки, даже орхидеи. Невероятно красиво.

– Я не могу сказать, что это за цветы. Может, вы знаете? – спросил Ральф.

Теперь она повернулась к нему. Ханке производил впечатление обыкновенного человека. Темные с проседью волосы, аккуратно причесанные на косой пробор, сверкающая улыбка, ухоженные ногти. На нем были бежевые брюки, черные туфли, голубая рубашка и синий кардиган; от него пахло одеколоном с пряным и мужественным ароматом.

– Да, знаю, – глухо ответила София.

Он изучал ее, наверное, так же внимательно, как и ее ответы, потом кивнул и вышел из прихожей.

Она последовала за ним, наблюдая за его походкой. Ральф Ханке двигался уверенно, но в нем было что-то асимметричное. Замечала она это, только когда смотрела не прямо на него, а уголком глаза. Словно асимметрия скрывалась в его ауре, за пределами законов физики. Ральф Ханке был сутулым и неловким, но каким-то необъяснимым образом научился это скрывать.

Они вошли в просторную гостиную с высокими окнами и мягкой мебелью, стоявшей в центре огромного персидского ковра. В кресле сидел мужчина за пятьдесят. Своей неподвижностью, взъерошенными волосами, костюмом и очками из начала девяностых он производил впечатление человека себе на уме.

– Роланд Генц, – представился он, не вставая с кресла.

Роланд Генц. Правая рука Ральфа.

София села на двухместный диван.

Ральф Ханке, человек, который заказал убийство Адальберто Гусмана, нанял снайперов, чтобы убить ее и Гектора, когда они ехали на машине из аэропорта в Марбеллу, и совсем недавно позаботился о том, чтобы взрыв в Биаррице разорвал Эдуардо Гусмана на куски; человек, лишивший Андреса и Фабиена отца.

– Рад, что вы приехали, – начал он. – Насколько я понял, ваша встреча с доном Игнасио состоялась. Вы приехали сюда, чтобы дать ответ на наше предложение. Мудрое решение...

Потом он начал разглагольствовать о самом себе.

Его левая рука лежала открытой ладонью на колене, пальцы растопырены и загнуты внутрь – признак артроза и возраста. И Роланд Генц, лохматый, с остатками пены для бритья около уха. Здесь сидели два пожилых человека, два старика, один из которых никак не мог перестать говорить о себе. Смешное самолюбование, феерическая чушь.

София и хотела бы почувствовать презрение к мужчинам, сидящим напротив, но эти двое вызывали какие-то другие чувства. Опасные и непредсказуемые в той степени, какую она никогда не смогла бы оценить, добиться или изменить. И все вдруг омрачилось отчетливым и ужасающим пониманием, что у нее нет ни стратегии, ни плана действий. В комнату, где она сейчас сидела, ее привел внутренний порыв, *необходимость, зов.* А единственное, что она взяла с собой, – *желание.* Что ей с ним делать здесь, у этих мужиков? Приехать сюда было огромной ошибкой.

Ей хотелось встать и выйти из комнаты, уехать, исчезнуть...

– Я здесь не для того, чтобы объявить о решении, – осторожно произнесла она.

Удивленная улыбка из-за того, что его прервали посередине предложения.

– Каком решении?

Руки Софии лежали у нее на коленях. От страха они стали тяжелыми и начали было странно двигаться, но София их удержала.

– Я здесь, чтобы попросить вас обдумать и обсудить все еще раз.

Сердце рвалось из груди и отдавало в горле.

Улыбка исчезла. Серые глаза немецкого главы компании стали стеклянными.

– Никто не знает, что я здесь, – продолжала София. – Я приехала, чтобы попросить вас посмотреть на дело с другой точки зрения, подумать о долгосрочной перспективе.

Выражение лица Ральфа Ханке не изменилось. Она подумала, что он завис в этом состоянии. Но вдруг появилось новое выражение, выражение номер три. Какое-то старческое, усталое, почти больное. Только на мгновение – пепельно-серое и незамысловатое в своем проявлении *разочарование.* Потом Ханке очнулся.

– Продолжайте, – сказал он.

София нервничала, в горле стоял ком.

– После убийства Адальберто и бегства Гектора организация ослабла, сделок стало значительно меньше. Остались одни крошки. То, что вы хотите заполучить, на самом деле больше не имеет ценности.

– Что у вас есть на сегодняшний день? – спросил Генц со своего кресла.

София понимала, что он знал все; значит, нельзя искажать факты.

– Мы сотрудничаем с доном Игнасио. У нас есть связи в ряде шведских биржевых предприятий. Мы торгуем полученной информацией через инвестиционные компании. О больших суммах речь не идет, но есть медленный и неуклонный рост...

– Почему медленный? – равнодушно спросил Роланд.

– Мы должны соблюдать осторожность.

Она запнулась, затем продолжила говорить тонким, против ее воли, голосом.

– Мы развиваем направление работы в индустрии фальсификаций. Это может вырасти в нечто крупное. Мы по-прежнему зарабатываем на инвестициях, сделанных Адальберто еще давно, но немного.

– Как, например? – Генц не давал ей времени на размышление.

– Проценты от выручки, контрабанда из Марокко, черные деньги в строительной отрасли, отмывание денег, сотрудничество с итальянцами и другими группировками в Европе... и многое другое.

– Много другое? И это вы называете крошками? – спросил Ральф Ханке.

– Да, относительно.

– Относительно чего?

– Относительно ваших с доном Игнасио доходов.

Он пристально смотрел на нее, на его лицо вернулась краска.

– А ваши расходы? – поинтересовался Генц.

София старалась говорить невозмутимо.

– Большая часть связана с доном Игнасио – он обходится нам на шестьдесят процентов дороже нашего заработка от его товаров. Множество текущих договоров, проценты за покровительство, импорт товаров... Еще постоянные расходы на суды то тут, то там, в основном в Испании. И, конечно же, большие траты сейчас, когда мы планируем развивать отрасль плагиата.

Это выражение лица Ральфа Ханке... Пустое, непонятное, бесчувственное.

– И вы приехали сюда без указания, вы говорите?

Она кивнула.

– Никто не знает, что вы здесь? – продолжал он.

Ханке знал, что она не ответит, и, воспользовавшись ситуацией, продлил ее мучение артистической паузой.

– Вы смелая или просто дурочка, София?

– А это имеет значение?

– Что вы хотите? – спросил он.

– Хочу, чтобы вы дали задний ход.

Ральф Ханке посмотрел на Роланда Генца. Тот и бровью не повел.

– Куда нам давать задний ход? – спросил Ральф.

– Компания вырастет, – сказала Софи. – Она станет больше, вот тогда и возьмете ее.

Он пожал плечами.

– Я сам могу это устроить – заставить ее расти.

– Так можно обо всем сказать.

Он ухмыльнулся.

– Я вправду так считаю.

С улицы доносился глухой шум проезжавших машин.

– Нужно оставить в покое, – сказала она.

– Оставить в покое что?

– Нас, приближенных Гектора.

Ханке даже не пришлось размышлять, у него уже был готов ответ. Он чуть наклонился вперед, излучая подавленное возбуждение.

– Мне нужно знать, где находятся Гектор и Арон. Дайте мне их координаты, и я обещаю, что ни с кем ничего не случится.

Он вытер рот, пораженная артрозом рука опустилась на колено, на всеобщее обозрение.

– Я не знаю, где они, – сказала София.

Заскрипел паркет.

– Можете узнать?

– Нет.

Ральф Ханке откинулся назад на спинку дивана, заметил, что видна больная рука, и спрятал ее.

– Не думали ли вы, что ведете себя нелояльно, когда ехали сюда, действуя за спиной у Гектора и Арона? – спросил он.

София молчала.

– Или нет? Вы не действуете у них за спиной?

Она продолжала молчать.

– Он жив?

София кивнула.

– Как мне убедиться в том, что это правда?

Вопрос на самом деле был риторическим, поэтому ответ Ральф не получил.

– София, что вам нужно, чтобы Гектор сдался нам?

– Ничего.

– Что означает?

– Ничего. Я не могу это сделать.

– А что можете?

– Я могу дать вам больше, чем вы получили бы, если б захватили компанию сейчас. Если у вас есть терпение и вы готовы подождать.

– Как долго?

София с грустью на лице пожала плечами.

– Что-нибудь еще? – спросил Ханке.

Бессознательно крутя кольцо на безымянном пальце правой руки, она тихо выдавила:

– Нет, больше ничего.

– Вы пошли на огромный риск, приехав сюда, – сказал он.

На этом встреча закончилась. Роланд поднялся, показав жестом, чтобы она следовала за ним к выходу.

На улице ждала машина. София села на заднее сиденье.

Роланд Генц вернулся в комнату.

– Какая у нее роль во всей этой истории? – спросил Ральф.

Вопрос несколько секунд крутился в голове у Роланда, который снова сел в кресло. Но вместо ответа он задал еще один вопрос:

– Сегодня говорил Гектор? Это его слова мы слышали?

Ральф задумался.

– Нет, как я понял.

– А кто тогда? Арон? Она сама?

Роланд с Ральфом углубились в размышления, но так и не нашли ответ.

– Ее сын? – спросил Ральф.

– Альберт.

– Кроме него, у нее никого нет?

– Нет...

Ральф думал, глядя в одну точку.

– Все дети, – шептал он сам себе.

Потом очнулся от мыслей.

– А о чем она просила-то? – спросил он.

– Она просила об отсрочке, – ответил Роланд.

Мысль обрела форму.

– Знают ли они о том, что мы в курсе? – спросил Ральф.

– В смысле?

– Знают ли они, что мы знаем? Что знаем о них больше, чем они о нас? Что мы нашли сына Гектора, что мы знаем, как выглядит группировка, что дела у них не продвигаются?

– Нет, не думаю.

– Но позже, сегодня вечером они узнают?

– Да, Ральф, вечером узнают.

Ханке провел рукой по волосам, Генц сделал то же.

– Коен справится? – спросил Ральф.

– Должен.

– Он дурак?

– Относительно.

– Но?..

– У него какой-то идиотский отцовский комплекс. Хочет получить наше расположение, хочет одобрения, признания.

– Дай ему это. Позвони, объясни, помоги, – сказал Ральф.

– Хм. Может, подключим Карлоса? – спросил Роланд.

Вопрос отвлек Ральфа от мыслей.

– Давай...

Генц встал с кресла, прошел по комнате и открыл дверь в соседнее помещение. Ральф слышал обрывки слов Роланда. Потом он вернулся и направился к креслу. За ним шел Карлос Фуэнтес – крупный, лысый, в расстегнутой белой рубашке и широких льняных штанах, босиком. Он сел на диван прямо напротив Ральфа, на то место, где только что сидела София. Одну руку Карлос закинул на спинку. В нем было что-то самодовольное, как будто он здесь играл главную роль.

– Что скажешь? – спросил Генц.

Карлос пожал плечами, больше чем нужно, словно этот вопрос вообще не имел ответа.

– Она по собственной инициативе приехала?

Карлос Фуэнтес сильно исхудал – не столько телом, сколько лицом. Кожа обвисла, под глазами синяки, морщины мелкие, но повсюду.

– Сомневаюсь, – ответил Карлос.

– Почему сомневаешься? – Роланд говорил монотонно и без эмоций.

Карлос развел руками. Еще один преувеличенный жест.

– Медсестра? Гектор был в нее влюблен. Она тоже находилась в ресторане, когда прозвучали выстрелы.

– Нет, она приехала не по собственной инициативе.

– Почему ты так думаешь?

– Никогда не видел Гектора влюбленным ни в кого, кроме нее. Они близки; это он отправил ее, я не сомневаюсь.

– Зачем? – спросил Генц.

– Ты же сам видел. Она угрожала? Нет, вела себя осторожно, спокойно и осмотрительно.

– Зачем? – Роланд был невозмутим.

– Затем, что им нужно время. Она прямо сказала об этом.

– Получим ли мы от них что-нибудь?

Одну руку Карлос держал под рубашкой и поглаживал свою широкую холодную грудь.

– Нет, – ответил он.

– Почему?

– Я вам уже сто раз говорил почему.

Он был резким и грубым, испанец.

– Потому что Гектор не выдает себя? – спросил Роланд.

Карлос кивнул и повторил, понизив голос:

– Потому что Гектор не выдает себя.

– Но, может, он мертв? Возможно, всем управляет Арон? Или кто-то другой? – спрашивал Генц.

Карлос надменно улыбнулся, будто бы думал, что все заданные ему вопросы стали следствием его уникального интеллекта.

– Какая разница?

Ральф Ханке больше не хотел сидеть и слушать этого человека. Он встал и вышел из гостиной. Роланд поступил точно так же. Ни один из них даже не взглянул на Карлоса Фуэнтеса.

Роланд остановился на полпути.

– Сегодня тебя перевезут, Карлос. В доме больше небезопасно. Собирайся, за тобой приедут через десять минут.

Их шаги в прихожей у входной двери стихли.

– Мне все равно не нравилась еда! – прокричал Фуэнтес.

Он хотел немного пожаловаться, это выходило непроизвольно – такой уж человек был этот испанец. Мужчины, как обычно, проигнорировали его слова. Входная дверь захлопнулась с громким стуком, и стало тихо.

Если б решения принимал Карлос, он не отпустил бы медсестру, пока всеми допустимыми методами не вытащил из нее информацию о местонахождении Гектора. А допустимы все методы, потому что одно было абсолютно точно: если Гектор жив, он убьет

Коен де Грааф взял такси из аэропорта в центральную часть Стокгольма, к многоуровневой парковке на улице Регерингсгатан. На четвертом этаже стояла серебристая неприметная «Мазда».

Ключ лежал под ковриком у заднего сиденья. Коен сел на водительское место и прочел сообщение в телефоне. Три пункта от Роланда Гетца.

*Магазин на улице Вэстмангатан
София, Арланда
Эрнст*

Коен вбил Вэстмангатан в телефон, и навигатор начал устанавливать связь со спутниками.

Затем он наклонился к бардачку. Там лежал белый конверт. Коен разорвал его, достал кусочек фольги и мешочек с героином.

Он готовил дозу быстро и привычно. Поджег фольгу снизу зажигалкой, и героин вскоре начал закипать и стекать вниз. Коен втянул в себя пары, удержал их в организме и выдохнул уже совершенно прозрачный воздух.

Если что-то и шло не так, то сейчас стало гораздо лучше.

Руководствуясь навигатором, Коен совершал героиновый трип по утреннему Стокгольму. Так он и жил. Регулярные поручения от Ральфа – и всегда достаточно герыча, чтобы поддерживать его зависимость и эмоциональную жизнь. Его все устраивало: в таком состоянии он лучше справлялся с работой.

Коен припарковался по указанному адресу на Вэстмангатан и откинулся на спинку кресла.

В кармане куртки зазвонил телефон.

– *Двигайся дальше*, – сказал Роланд Генц.

– Мне нужен номер рейса медсестры. Я успею? – спросил Коен.

– *Должен успеть. Поторопись в Арланду и следуй за ней, когда закончишь.*

Роланд дал Коену информацию о рейсе Софии.

– А потом я должен забрать того мужика?

Генц помолчал, прежде чем ответить:

– *Ну да. Я же отправлял список. Слишком много для тебя?*

– Нет.

– *Точно? Сконцентрируйся, Коен, я могу на тебя рассчитывать?*

– Да!

Он говорил, как подросток, отвечающий из-под одеяла на вопрос, проснулся ли он.

Роланд вздохнул.

– *Слушай сюда. Это цепочка, Коен. Все должно идти как по маслу. Справишься?*

– Объясни еще раз, – расслабленно попросил де Грааф.

– *Когда ты завершишь дела в магазине, это спровоцирует их бегство. Они будут*

прятаться и соберутся в одном месте, как мы надеемся. Ты должен найти это место, оно – твоя главная цель. Для этого ты последуешь за Софией из аэропорта. Улавливаешь?

– Улавливаю, – пробормотал Коен.

Роланд говорил учительским тоном.

– Потом, когда закончишь, привезешь мужчину сюда, домой, к нам... Ты очень важен, Коен, мы с Ральфом ценим все, что ты для нас делаешь.

Положив трубку, Коен почувствовал укол эйфории, зевнул, вытер лицо ладонями и открыл дверь машины. Обойдя автомобиль, подошел к багажнику. Тот был пуст. На запасной шине в пространстве под дном лежали домкрат, гаечный ключ и автомат «Мини-Узи» с удлиненным магазином. Коен засунул автомат под куртку и неторопливо пошел через дорогу.

Он заглянул в небольшую и довольно неприметную витрину и увидел в помещении красивые вещи. Ткани насыщенных цветов, копья, щиты, керамика, всякие штучки: старинные, этнические, исторические...

Когда он открыл дверь, звякнул звонок.

Коен увидел красивую темнокожую женщину с высоко убранными густыми волосами и ровной гордой осанкой. За ней – мужчина: высокий, поджарый, улыбающийся. Он стоял на табурете и что-то поправлял высоко на полке.

– Здравствуйте, – хором обратились они к Коену.

Де Грааф почувствовал, что ему рады, и поймал себя на улыбке, когда распахнул куртку и выдернул автомат.

Мужчина на табуретке инстинктивно бросился к женщине, повалил ее на пол и закрыл собственным телом.

Коен открыл стрельбу – и все превратилось в месиво.

* * *

Мир за окном автомобиля был по-шведски скучен. София сидела в такси, направлявшемся из Арланды в Стокгольм.

Она скучала по Гектору. Тоска была настоящей. София скучала по его открытости, честности, уму, по его *бесстрашию*, в котором она сейчас нуждалась. В бесстрашии она нуждалась и на встрече с Ральфом Ханке. Ей была знакома и другая сторона Гектора: безумство, жажда крови и импульсивность. Двуглавый Гектор Гусман. Ральф Ханке и Игнасио Рамирес имели по одной голове. Они знали только один способ, один путь. У Гектора же их было два, что в этой ситуации пригодилось бы. Он знает, как им следовало действовать, он решил бы проблему.

София скучала и по Йенсу, но совсем по-другому. Эта тоска была больше и трепетнее. В ней заключалось что-то более надежное, что-то неизменное. Глубина – Йенс понимал Софию.

Она заплатила таксисту наличными. Ее телефон зазвонил, когда она выходила из машины. София ответила. Голос Лежека отличался от привычного: высокий, но не писклявый, нервный, но не торопливый.

– Дафне и Тьери мертвы, застрелены в собственном магазине час назад...

София пошла к воротам; ноги сами несли ее, хотя она прекрасно понимала, что ей

только что сказал Лежек.

– София?

Она справилась с кодом на воротах, толкнула их спиной и поднялась по маленькой покрытой узким ковром лестнице к лифту.

– София? – переспросил Лежек.

Женщина открыла дверь лифта.

– Как Ангела с детьми? – спросила она и нажала кнопку своего этажа. Лифт тронулся вверх.

– Они в безопасности. Где ты была, София?

Пространство лифта было тесным и замкнутым.

– Нигде. Что случилось?

– Их нашли на полу. Тьерри обнимал ее, пытаясь прикрыть своим телом. Множество выстрелов – вот и всё, что я знаю.

Слова Лежека материализовались в ее голове. София пыталась вытеснить эту картину из сознания, у нее не было времени терять концентрацию. Лежек что-то еще говорил ей; она старалась слушать, преодолевая давившую со всех сторон панику. Лежек разъяснил ситуацию. *Достать могут кого угодно.*

Она поняла, что значили эти слова. *Бежать прямо сейчас.*

К ней вернулось чувство реальности. София набрала номер Альберта, пока закрывала обычную и металлическую решетчатую двери. Автоответчик. Она поспешила в спальню и открыла шкаф. Там из-под остальных вещей выдернула собранную сумку. В ней находилось все необходимое на несколько дней и ее настоящий паспорт – фальшивый уже лежал в сумочке.

Не оборачиваясь, женщина вышла за дверь, спустилась вниз по лестнице и покинула здание.

София вела машину в сторону улицы Ярла Биргера. Когда она вновь позвонила Альберту, автоответчик отозвался безнадежным эхом.

Женщина нашла номер школы и позвонила на коммутатор, где ей предложили нажать соответствующую ее проблеме кнопку. Она просто нажала на первую наиболее подходящую, попала на кабинет директора, прозвучало несколько гудков, а потом звонок прервался. Она позвонила друзьям, записанным в телефонной книжке, набрала номер Анны. Та ответила спокойным и обычным голосом. Никто не знал, где находится Альберт.

София поймала такси и запрыгнула на заднее сиденье. Глубокий страх охватил ее. Мир за окном казался угловатым, и все углы были неправильными.

Она молила Бога, чтобы не застрять в пробке. Ей следовало попросить Бога еще об одном – об Альберте, о том, чтобы с ним ничего не случилось, – но она не решилась. Словно молитвы сделали бы ситуацию реальнее, опаснее, такой, какой она и была, что София не могла принять.

* * *

Кое де Грааф следовал за ней от Арланды до ее дома. Там он прождал несколько минут, пока она снова не спустилась. Впопыхах, с дорожной сумкой в руке. До Софии дошла новость об убитой паре.

Теперь он ехал за ее такси, которое с трудом продвигалось в плотном потоке по центру города на юг. И терпеливо ждал, что она приведет его туда, куда нужно.

* * *

Гимназия Альберта располагалась в районе Сёдермалъм.

Она открыла большую дверь, и школа обдала ее своими запахами: чернила, линолеум, камень и что-то еще, характерное только для школы. София быстро пошла по коридору, мимо кабинетов и дверей с сетчатым стеклом – везде пусто, на глаза не попался ни один человек. Было поздно, и уроки, наверное, уже закончились.

Она остановилась, перевела дух, прислушалась. Тишина отзывалась глухим эхом. София пыталась различить звуки. Далеко в глубине вселенной, приглушенные звуки... слабый отзвук голосов кричащих людей, снова эхо... Спортивный зал.

На стене висел план здания, в школе было три этажа разного цвета. Одно помещение было гораздо больше остальных – на голубом, самом нижнем, этаже.

София спустилась по лестнице, прошла по узкому коридору и там, в конце, увидела две двери. Торопливо подошла к ним и открыла обе.

На половине поля группа подростков играла во флорбол, остальные сидели на трибуне. В дальнем конце зала Альберт на коляске тренировал бросок в баскетбольное кольцо, а его друг подхватывал отскакивающий мяч и отдавал Альберту. Она пошла туда вдоль кромки поля; улыбнулась товарищу Альберта, *Маркусу*, если она правильно помнила имя.

Альберт с удивлением посмотрел на нее, София старалась непринужденно улыбаться.

– Ты готов? – ласково спросила она.

– Готов для чего?

– Ты же уезжаешь завтра рано утром?

Она сверлила Альберта взглядом, как будто так он понял бы, что должен подыграть ей. Но у них не было такого уговора, никакой секретной уловки или знака. Ей оставалось только надеяться.

– Куда ты уезжаешь? – спросил стоявший неподалеку Маркус, прижав баскетбольный мяч к груди.

– На реабилитацию, – ответила София.

Маркус задумался.

– У нас есть кое-какие дела, ты закончил? – снова обратилась она к Альберту, избегавшему ее взгляда.

– Увидимся, – сказал он и, крутя колеса руками, поехал прочь.

– Сколько тебя не будет?

– Три недели, – ответила София.

* * *

Лежек подъехал к школе, резко затормозил, вышел из машины и быстро, ловкими движениями, посадил его в машину, коляску убрал в багажник. Сев в машину, они поспешили покинуть это место.

София с Лежеком говорили торопливо и тихо: о том, что уже предпринято, все ли в безопасности, обсуждали детали о номерах телефонов, компьютерах и других отслеживаемых вещах. Альберт задавал с заднего сиденья вопросы требовательным и громким голосом. Но вопросы не находили ответов, никто его не слушал. Вместо этого они продолжали внимательно и дотошно решать вопросы между собой.

– Что происходит? – спросил Альберт.

Лежек и София разговаривали.

– Мама! – Он перешел на крик.

Они замолчали. София обернулась.

– Мы должны спрятаться, – сказала она.

– Почему?

– Просто так нужно.

– Мама!.. – В его глазах читалась мольба.

– Два человека убиты.

Сын пытался осмыслить только что произнесенные слова.

– Что?

София не ответила. Альберт опустил глаза, борясь со всплывающими в голове вопросами и мыслями.

– А кто убит?

Она молчала. Лежек подхватил инициативу.

– Дафне и Тъери, – ответил он.

– Тебе не нужно беспокоиться, Альберт, – сказала София.

Презрение в его глазах.

– Как ты можешь так говорить! – решительно прошептал он и отвернулся.

* * *

Коен, сидевший за рулем «Мазды», видел, как их автомобиль остановился в середине улицы Норр Мэларстранд. София вышла из машины, Лежек достал коляску из багажника, быстро разложил ее и помог Альберту сесть. Они подошли к двери и, после того как Лежек ввел код, исчезли в здании.

Коен записал адрес в телефон и отправил его Роланду. Все прошло отлично, Роланд с Ральфом должны быть довольны.

Теперь остался только старичок Эрнст...

* * *

В лифте, поднимавшем их на самый верх, они молчали. Лежек расстегнул куртку, достал пистолет из плечевой кобуры и оставил его свободно висеть у бедра.

– Кто здесь живет? – спросил он.

– Мы, – ответила София.

Все были в сборе. Лежек представил Альберта Ангеле, Хасани и мальчикам.

София нашла уединенное место в кладовой между кухней и столовой. Там она села на

корточки и опустила голову, уткнувшись в рукава кофты.

Отчаяние парализовало ее; плакать не получалось – в горле стоял болезненный ком, грудь чудовищно сдавливало, а помимо физических ощущений – чувство вины, вины, вины. Дафне и Тьери мертвы... Виновата она...

София хотела оказаться на краю света, повернуться спиной ко всему, отвернуться ото всех и вся... угол для провинившихся – вот куда она хотела попасть, вечно стоять в углу, а где найти сейчас такой?

– София?

Голос Лежека, зовущего ее. Она сделала несколько вдохов, стараясь скрыть правду где-то в глубине себя.

Хасани стоял, прислонившись к раковине, когда София вошла на кухню. Смотревший в окно Лежек обернулся.

– Насколько мы здесь в безопасности? – спросила она.

– Пока в безопасности, – ответил он.

– Что нам известно?

– Ничего.

– Со всеми связались?

Лежек кивнул. София заметила, что он в панике.

– Сейчас вы с Альбертом должны успокоить семью и друзей. Мы не хотим, чтобы они начали вас искать. Скажите им что-нибудь правдоподобное.

Лежек еще не закончил.

– Тот, кто все это делает, преследует конкретную цель. И он будет убивать для ее достижения. Понимаешь?

– Да, – тихо ответила София.

– Поэтому с этого момента ничто не должно делаться по-дилетантски. Все проходит через меня и Хасани.

* * *

Деревянный пол скрипел, когда она шла к комнате Альберта.

Андрес и Фабьен ничего не знали: они бегали кругами и гонялись друг за другом без штанов, катались по отполированному паркету. Они веселились, их радостные крики звучали отдаленным гулом, в какой бы части квартиры ни находился человек.

Альберт сидел на своей кровати, вытянув ноги. София вошла к нему в комнату и села на край кровати. Он ждал, что она скажет что-нибудь. Но София просто взяла его руку. Наклонилась и обняла, крепко прижав к себе.

– Я люблю тебя, – прошептала она.

– И я люблю тебя, мама.

* * *

На улице Мэстер Самюэльсгатан серебряные и золотые вывески с названиями компаний на воротах. Коен нажал на все кнопки домофона, кроме одной. Дверь зажужжала, и он

вошел. Скрипящий лифт довез его до третьего этажа. Он постучал в высокую белую дверь, и ее открыл мужчина, который находился в бегах. Коен узнал его по фотографии.

– Эрнст Лундваль? – расслабленно спросил он.

– Нет, – ответил Эрнст.

– А вот и да, – сказал Коен, показывая автомат под курткой.

Эрнст сделал шаг назад, Коен вошел и закрыл дверь.

– С тобой хочет встретиться Ральф Ханке. – Он направил автомат на Эрнста. – Возьми с собой что-нибудь из вещей, – продолжил де Грааф и втолкнул Эрнста в квартиру.

Майлза преследовало странное ощущение в животе. Колики, сказал бы он, если б был ребенком. Но детство давно кончилось, а с ним и время колик. Но что бы это ни было, причина заключалась в Санне, выступавшей сейчас на сцене.

Она исполняла последний на сегодня танец. Ингмарссон, как всегда, сидел в дальнем углу помещения, и ему казалось, что двигается она не так, как обычно. Без чувства и грации, просто устало и без энтузиазма.

Майлз не любил вечера. В это время приходили другие люди, те, кого здесь быть не должно. Сегодня заявили трое пьяных тридцатипятилетних в дешевых костюмах. Прозрачные бейджи, которые они получили на конференции, или на ярмарке или где там еще, свисали с шеи на лентах с рекламой. Парни базарили на диалекте города Эребру и гоготали над дурными шутками.

Майлз снова посмотрел на Санну. Да, наверное, она чувствовала то же, что и он, – не любила вечера, крестьян, пьянство и базар.

В клуб завалилась холостяцкая компания. Их тоже было трое, на вид покрепче. С собой они привезли пустую продуктовую тележку, и та с шумом катилась вниз по каменной лестнице. На будущем женихе – мокрая грязная футболка, поверх джинсов – подгузник для взрослых, а на голове презерватив, так сильно пережимавший лоб, что брови приобрели странную форму, а глаза широко открылись. Друзья жениха пили из горла финскую водку. Майлз предположил, что компания явилась сюда прямо с парома из Финляндии, все трое почти в бессознательном состоянии. Но, по крайней мере, они еще могли стоять. Жених агрессивно и невнятно выкрикнул что-то в пространство. Бутылка водки пролетела через помещение и попала одному парню из Эребру в голову. Тот упал, ударился лицом о край сцены и остался лежать. Вслед за бутылкой пронеслась продуктовая тележка.

Холостяки выбрали в качестве мишени двух оставшихся парней из Эребру, у которых не было ни единого шанса.

Когда бить парней стало невозможно, холостяки набросились на некоторых из беззащитных мужичков-извращенцев.

Ингмарссон собрался уходить, но остановился на полпути. Одному из мужичков крепко досталось от парней. Внутри у Майлза что-то щелкнуло. Может, повлияла беззащитность мужичков, тотальная несправедливость, а возможно, сам факт того, что произошедшее не должно было случиться.

И Майлз пошел дальше к выходу, говоря себе, что к этому не имеет никакого отношения. Но самообмана хватило всего на несколько шагов, потом он остановился и обернулся.

[Купить полную версию книги](#)

Биарриц – всемирно известный центр серфинга.

«Гарлем глобтроттерс» – американская баскетбольная выставочная команда, сочетающая в своих выступлениях элементы спорта, театрального шоу и комедии.

Герой одноименного американского фильма 1971 г.

Знаменитый американский актер, снимавшийся преимущественно в боевиках.

Боковой амиотрофический склероз.

Далекарлия – устаревшее название Даларны, исторической провинции в средней Швеции, в регионе Свеаланд.

Штат на севере Мексики, граничащий с американским штатом Аризона, также одноименная песчано-каменистая пустыня.

БААС – Партия арабского социалистического возрождения, основана в Сирии в 1947 г.

Привет (*шв.*).

Роллатор (также ролятор) – приспособление для облегчения самостоятельного пешего передвижения лицам, испытывающим с этим трудности. Представляет собой трех- или четырехколесную тележку, оснащенную ручками для опоры, ручным тормозом-фиксатором, а в ряде случаев и дополнительными аксессуарами.

Сокращенное разговорное название района Сёдермальм в Стокгольме.

Диалект провинции Норрланд – северной провинции Швеции.

Служба государственной безопасности Швеции, самостоятельное подразделение
Главного полицейского управления.

Вождь индейского племени хункпапа, который в XIX в. возглавлял сопротивление коренного населения вооруженным силам США.

«Мы никогда тебя не забудем» (*англ.*).